ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 111 (3612) Вторник, 18 сентября 1956 г. Цена 40 коп.

Еще одна турбина для Куйбышевской ГЭС

Еще одну мощную гидротурбину построил Ленинградский металлический завод — семнадцатая куйбышевская закончена с опережением графика. А в цехах завода уже обрабатываются детали новой, очередной турбины. К концу года завод завершит поставку Куйбышевской ГЭС всех двадцати агрегатов.

Всякий раз, когда я вижу, как паровоз осторожно вытаскивает из ворот Ленинградского металлического завода вереницу платформ с деталями и узлами гигантских куйбышевских турбин, мне вспоминается рассказ старейшего инженера-турбостроителя Михаила Николаевича Бушуева о том, как почти полвека назад на заводе создавалась первая русская турбина.

Мощность турбины была равна ста десяти киловаттам; для того чтобы увезти ее с заводского двора, понадобился бы лишь один грузовичок. С 1906 по 1917 год завод выпустил двадцать шесть турбин; их общая мощность едва составляла девять тысяч киловатт.

Первая турбина, выпущенная в послеоктябрьские годы, обладала мощностью в тысячу киловатт. Затем были построены двухтысячная, десятитысячная, двадцатипятитысячная, пятидесятитысячная и, наконец, стотысячная...

Теперь здесь строятся паровые турбины мощностью до 150 тысяч киловатт и водяные турбины — свыше 100 тысяч киловатт. Таких водяных турбин для Куйбышевской ГЭС изготовлено уже семнадцать; диаметр рабочего колеса каждой из них равен 9,3 метра, а высота вместе с генератором достигает сорока метров!

Еще более увлекателен завтрашний день завода. Закончив куйбышевский заказ, он должен приступить к изготовлению турбин для Братской и ряда других ГЭС. Рассказывая нам о них, главный конструктор гидротурбин, член-корреспондент Академии наук СССР Николай Николаевич Ковалев часто обращался к цифрам.

В шестой пятилетке мощность советских гидроэлектрических станций должна, как известно, возрасти в 2,7 раза. Наиболее мощные гидростанции возводятся на Ангаре и Енисее. Турбостроителям придется создать для сибирских станций новые, еще более мощные, совершенные и экономичные машины.

В заводской лаборатории уже сейчас можно видеть несколько вариантов моделей рабочего колеса будущей турбины Братской станции. Это радиально-осевая турбина мощностью двести тысяч киловатт, самая мощная из всех когда-нибудь созданных турбин такого типа. По мощности она в два с половиной раза крупнее, например, днепровских, а по размерам лишь немногим превосходит их.

Создание таких машин выдвигает перед конструкторами и проектировщиками множество очень сложных технических вопросов. Возникло столько проблем, что одни экспериментальные исследования на моделях уже не могут никого устроить. Нужна выверка всех расчетов на действующих турбинах, работающих в условиях, близких к тем, в каких они будут находиться на Ангаре. Такой «живой» моделью для будущей братской турбины послужит одна из машин Нивской гидростанции. Группа специалистов завода вместе с научными сотрудниками Института машиноведения Академии наук СССР выезжала на Нивскую гидростанцию для проведения этих исследований.

Сложные технические задачи возникают перед заводом и при разработке конструкции радиально-осевых турбин мощностью до трехсот тысяч киловатт, предназначаемых для гидростанций Красноярского узла или ковшевых турбин для Дарьяльской станции.

В конце нашей беседы речь зашла и о «больных» вопросах турбостроения. Самый важный, самый неотложный из них — это необходимость создания для турбостроителей научной, экспериментально-исследовательской базы. Н. Ковалев отмечает, что в стране существует лишь одна лаборатория, комплексно решающая вопросы крупного гидротурбостроения,— на Металлическом заводе.

Думать надо сейчас и о более далеких перспективах и об изучении опыта зарубежного турбостроения. Нужно, наконец, исследовать и обобщать опыт эксплуатации новых машин, новых конструкций.

Вопрос этот ставился неоднократно. Возражений он не встречает ни в научной среде, ни в министерских кругах, но практически для его решения не делается ровно ничего.

А. ПОЛОВНИКОВ

ЛЕНИНГРАД

Александр ПРАВДИН

РЕПОРТАЖ

В эти дни

Я не скажу,
Что это очень просто:
Часок-другой поспав на холоду,
Встать до рассвета,
Поглядеть на звезды
И к волнам ржи пойти по тропке росной,
Пиджак натягивая на ходу,
Туда,
где первая проснулась птица,
Где расплескалась паводком пшеница,
Туда, где без конца и без границ —
Оранжевая, с верхом черно-бурым,
Горит,
Переливается
«Мильтурум»*,
Как будто сотни стелются лисиц...
Нам дует в лица предрассветный ветер.
Над нами высь темна и глубока.
И Млечный путь,
как синеватый хедер,
Колеблемые режет облака.
Я не скажу,
Что все уж так-то гладко,
Из трудностей не буду делать тайн.
Нет, могут быть
И в жатке
Неполадки,
Или простаивает зря комбайн.
А бункер давится зерном отборным,
А где ж машины?
По дорогам торным
Куда их, в самом деле,
черт понес?
Чего опять плутает
Бензовоз?..
Но как бы ни был
Этот полдень труден,
Не только рожь
произрастает тут:
В борьбе за хлеб
здесь вырастают люди,
Герои — может быть —
из них растут.
Идут комбайны.
Сбоку — волны хлеба,
С другого — щетка острая стерни.)
Гигантскими кузнечиками
с неба,
Наверно, звездам кажутся они...
Всю ночь, всю ночь
Здесь шелестят колеса,
И вторит им тяжелое зерно:
Коси на свал,
коси по сухоросу,
А если будет ливень —
все равно!
И пусть дурит погода,
С небосвода
Дождем обрушившись нам на беду,
Здесь люди —
вот кто делает погоду
Они
погоду делают
в страду!
А на току
Во время пересменки —
Кого я вижу? —
Девушки-студентки.
Веселые, силенкой не обижены,
У вороха зерна, как у ручья.
И брызгами —
не синими, а рыжими —
Швыряются друг в
дружку, хохоча...
Я не скажу,
Что это просто очень:
Собрать и уберечь весь урожай.
Вот, на токах
В сырой прохладе ночи,
Поеживаясь, ходят
сторожа...
Я здесь на фронте,
Далеко от дома.
Такая обстановка мне
знакома.
Иду, в пути не глух я и
не слеп.
И чудится,
что на дверях райкома
Сейчас увижу:
«Все ушли на хлеб!»
Пусть — выдумка,
Но в ней неправды нету.
Все силы брошены
На битву эту!
Я сам пишу листовки по утрам.
...Зимой,
в метель,
такое вспомним лето,
Рубль тридцать три платя за килограмм.

КАРГАПОЛЬЕ—КУРТАМЫШ.
Курганская область

* Сорт пшеницы.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении тов. Кирсанова С. И. орденом Трудового Красного Знамени

В связи с пятидесятилетием со дня рождения поэта Кирсанова С. И. и отмечая его заслуги в развитии советской литературы, наградить тов. Кирсанова Семена Исааковича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 17 сентября 1956 г.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Судьбы твоих героев

Симсон ШЛЯХУ

Писателя могут подстерегать всякие неожиданности, если он попадает в обстановку, которую когда-то превратил в типические обстоятельства своей книги, если он сталкивается лицом к лицу с прототипами своих героев. Об этом немало сумел бы порассказать любой писатель, старый или молодой, и — кто знает? — может быть, этот рассказ был бы интересней и сложней, чем то, что написано в самой книге. Герой, для которого в романе уготован счастливый конец, в жизни, случается, попадает в тягостную беду.

История литературы знает десятки примеров того, как тяжело, порой болезненно, переживал автор судьбу им же сочиненного образа. Так может ли не волноваться настоящий писатель, может ли он оставаться равнодушным к судьбе реального, живого человека, особенно, если это советский писатель и советский человек?

В моем представлении проблема взаимоотношений между автором и его героями есть проблема гражданской активности писателя, его гражданской заинтересованности в том, что происходит вокруг него. Писатель больше всего и решающим образом воздействует на читателя книгами; но ведь хорошей книги не напишешь, если сердце твое безразлично к людям, к их делам и заботам, и уж особенно к тем, кто послужил «материалом» для твоего творчества, для писательских «обобщений».

Помню, как я переживал, когда один из моих первых рассказов о непригодном директоре завода был холодно принят, и в первую очередь потому, что человек, послуживший прототипом, остался целым и невредимым на своем посту, хотя рассказ, который его обличал, был опубликован в солидном молдавском журнале.

— Не помогло... Возможно, если б ты назвал директора его настоящим именем... — утешали меня мои заводские друзья.

Может быть, это немножко наивно, но показательно для понимания того, какой действенности иногда ждет от литературного произведения массовый читатель.

А можешь ли ты, автор, остаться безучастным, если главного героя твоего очерка — испытанного организатора, закаленного в огне многолетней подпольной работы, десять лет подряд избираемого председателем профсоюзного комитета Кишиневского паровозного депо, если этого героя в действительности убрали с работы и заменили другим человеком только потому, что этого другого кому-то нужно было «устроить»?

Не твоя ли обязанность, автор, не твой ли гражданский долг — художественной ли повестью, газетной ли статьей, или, отложив на время перо, лично, непосредственно вмешаться в дела народа!

...Писатель Ион Чобану доработывал рукопись второй книги своего романа «Кодры» в селе Будэй, там, где происходит действие произведения. Секция прозы Союза писателей Молдавии тепло приняла его работу, автору посоветовали кое-где улучшить рукопись, уточнить образы героев. Он выехал из Кишинева, и через некоторое время в газете «Молдова социалиста» появились за его подписью не отрывки из нового романа и даже не художественный очерк, — появилась газетная статья со множеством цифр: в деньгах и гектарах. Ион Чобану забил тревогу о судьбе виноградарей и виноградников из Будэй. Многие виноградари покидают родное село и уходят в другие места, где работа лучше организована и лучше оплачивается, а виноградники в Кодрах гибнут!

Поехав в деревню с целью доработать свою рукопись, усовершенствовать образы героев, автор неожиданно был захвачен неотложными, непридуманными конфликтами: нужны изменения в жизни тружеников из Будэй! Среди виноградарей, которые покидают село, находятся и прототипы будущих героев романа «Кодры». Необходимо спасти молдавские виноградники!

Недавно почти одновременно были закончены два значительных произведения, посвященные проблеме школьного образования и культуры в молдавских селах. Это пьеса драматурга Р. Портного «Бескрылые птицы» и повесть молодой писательницы Анны Лупан «Ветер в лицо». Писатели обратили внимание на эту сторону жизни не случайно: недостатки в школах — старая, тяжелая рана прошлого правобережной Молдавии, которая не совсем правильно и не всегда успешно лечится до сегодняшнего дня.

Радует, что рукописи не положены под сукно в редакциях, как случалось в прошлом, радует, что художественная литература Молдавии обогащается острой жизненной темой. Но писатели, написав книги, не посчитали свое дело сделанным. Немедленно после обсуждения рукописи в союзе Анна Лупан выехала к своим героям и несколько месяцев находилась в селах Атакского района. Р. Портной, известный еще недавно в основном как литературовед, исследователь старинных рукописей, теперь, будто забыв, что он автор пьесы, а не ее действующее лицо, посещал республиканский семинар учителей, участвовал в районных совещаниях, читал лекции. Пока суд да дело, пока его пьеса будет опубликована и найдет себе сценическое воплощение, надо не пропустить момента, когда собрались учителя со всех уголков республики. Поднятая в пьесе проблема подлинной, всеобщей культуры в деревне не терпит отлагательств. Новый учебный год стучался в дверь. Надо было сделать все, чтобы не только вообще «поставить» проблему, но приступить к ее решению...

Часто бывает так: смотришь на сад, и как будто ничего не видно. Но раздвинь листья: какая неожиданность! — свежие, покрытые утренней росой, полные аромата плоды открываются твоим глазам. Хотя они и прикрыты тенью листьев, но они впитают в себя и солнечное тепло, и влагу, и богатство почвы... Вырастет плод, созреет, даст богатый урожай!

Но сколько таких, которые могут остаться неполитыми и несогретыми, если вовремя не вмешаться...

Вот почему Ион Чобану озабочен судьбой виноградарей и виноградников. В Молдавии высажены тысячи и тысячи гектаров новых виноградников и садов, но мириться с недостатками нельзя. Вот почему Р. Портной и А. Лупан атакуют прорывы в культурном фронте. Успехов немало — полностью ликвидирована неграмотность, которая совсем недавно охватывала почти три четверти населения Бессарабии, по охвату высшим образованием Молдавия превосходит многие страны Европы. Но не надо себя успокаивать успехами. Советский писатель — не просто автор книг, но и активный общественный деятель, думающий о том, что важно и интересно многим и многим людям, глубоко волнующийся за судьбы людей. Это качество — гражданское беспокойство — необходимо литературу, работающему над любой темой.

Я перейду теперь к главной части своей статьи. Речь пойдет о бывшем бессарабском подполье и о том освещении, которое получает в современной молдавской литературе его революционная борьба. И хотя люди, о которых я буду говорить, не являются прототипами моего будущего романа, но мне, и как автору написанной четыре года назад повести «Товарищ Ваня» — о героях-революционерах, и просто как советскому гражданину, не может быть безразлична их судьба.

— Есть ли у ваших героев прототипы? Где сейчас находятся эти люди? — настойчиво спрашивает молодой читатель у авторов книг о революционном подполье.

Бессарабия до 1940 года, то есть во время оккупации румынской монархической кликой, знавала такие революционные схватки и волнения, которые прогремели по всему свету. Напрасно утверждала продажная пресса, что в Бессарабии все спокойно. Эта ложь была опровергнута Татарбунарским и Хотинским восстаниями, десятками забастовок, митингов, уличных демонстраций. Погибли от рук палачей многие революционеры, среди которых Павел Ткаченко, Антон Оника, Елена Павел; умерла в тюрьме на сорок четвертый день голодовки молодая жительница Кишинева Хая Лифшиц. Пулеметы и тюрьмы похитили жизнь многих бессарабских борцов, но поставить народ на колени монархистам не удалось.

Бессарабское революционное подполье закалило людей, и эта закалка пригодилась им в кровавых боях за свободу Молдавской Советской Социалистической Республики против гитлеровских банд. Смертью героев погибли тогда такие видные деятели революционного движения, как Ю. Коротков, М. Скворцов, партизан Ш. Мунтяну-Рабинович, Л. Грийнберг и многие другие.

Двенадцать борцов, выращенных УТЧ (Союз коммунистической молодежи) Бессарабии, среди которых и молодая кишиневская работница Ольга Банчик, в годы фашистской оккупации оказались во Франции и отдали свою жизнь за ее свободу.

— Вот прототипы героев моей книги о революционном прошлом Бессарабии, — может ответить спрошенный автор.

Кажется невероятным, что молдавская молодежь почти ничего не знает об этих героях. Только о Павле Ткаченко кое-что известно. Почти забыли о молодом молдавском металлурге Антоне Онике — знаменосце антивоенной демонстрации. Не известна на своей родине Елена Павел, сожженная заживо в фашистской тюрьме. Молодежь не слышала о Хае Лифшиц. А в 1929 году, пока длилась сорокачетырехдневная голодовка, фотография этой женщины, размноженная подпольной газетой, была в Бессарабии более известна, чем портрет румынского короля, который должен был обязательно вывешиваться в каждом доме. В ее непоколебимой воле как бы сконцентрировалась воля целого народа. Сорок четыре дня голодной забастовки! Палачи дрогнули, запретили общественное погребение, пытались похоронить ее в тайне! Но шли бесчисленные телеграммы протеста из стран Европы, Америки, Азии... Почему сейчас не отмечен дом и улица, где родилась и выросла эта героиня, гордость трудящегося народа Молдавии и Румынии?

Только старожилы Бельцкой улицы Кишинева долгое время называли эту улицу именем Хаи Лифшиц. О подвиге Хаи Лифшиц наконец-то рассказано лишь в последнем номере молдавского журнала «Октябрь».

Красавица Ольга Банчик, у которой фашистские палачи отрубили голову, известна во Франции, известна и прославлена в Румынской Народной Республике, но не известна в Молдавии, на ее родине.

Кто не слышал в Кишиневе о футболисте Юрии Короткове, центре нападения «Буревестника»? А почему предан забвению другой Юрий Коротков?

Воссоединение Бессарабии с СССР в 1940 году Коротков встретил со всем жаром революционера-коммуниста, который может теперь свободно нести в массы свое слово. За это счастье — высшее счастье революционера — он заплатил жизнью: его расстреляли фашистские оккупанты.

О людях, погибших в борьбе за свободу, должен знать каждый школьник и студент в Молдавии. Они представляют собой часть истории революционной борьбы, истории молдавского народа. Уместно в связи с этим спросить — почему в Молдавии нет Музея революции?

А живые люди? 78-летний революционер М. Брашеван? А приговоренный гитлеровцами к смерти и спасенный советскими солдатами подпольщик Штефан Греков?

...Женская тюрьма. В камере остались только двое: она и Дора. «Сова» нарочно изолировала их от остальных заключенных, быть может, она хочет, чтобы они умерли втайне от всех? Сегодня 37-й день голодовки. Только самые необходимые движения, во что бы то ни стало экономить последние силы!

Странный человек эта «Сова». Жалуется им, что если они умрут, то ее привлекут к ответственности. И льет слезы, упрашивая их прекратить голодовку или согласиться на перевод в другую тюрьму, где не она будет начальником.

Никаких переводов. Нужно экономить каждую каплю жизни, оставшуюся в теле. 38-й день. Голод давно не чувствуется, только зубы шатаются во рту, будто нанизанные на ниточку... Как наивен защитник-адвокат, присланный товарищами. Посмотрел на нее и пожелтел, как лимон.

— Девушки! — и закрыл глаза руками. Что же делать, теперь ни она, ни Дора не будут большими красавицами. Да и раньше были не бог весть какими... мысленно смеется она. Дора уже не движется, но еще жива. Нужно сделать перепись вещей в камере... Один примус, четыре пары теплых тапочек. Это коллективное имущество, присланное товарищами с воли. Завтра поступят другие политзаключенные...

39-й день голодовки. Резко раскрывается дверь, и в камеру вваливается мужчина. «Главный директор румынских тюрем», — представляется он. Мгновение, безнадежно качая головой, стоит у кровати Доры, потом подходит ко второй.

— Барышня, барышня, прекратите голодовку! — восклицает он. — Умоляю вас, сделайте это для меня...

Он прижимает руки к груди и сгибается в поклоне, но она разражается смехом, сдержанным даже в мыслях. Эх, если б иметь возможность смеяться сейчас настоящим, звонким смехом. Нет, нужно беречь последние остатки жизни...

Это отрывок из книги? Нет, это отрывок из жизни бывшей политзаключенной Жени Авербух. В 1929 году на 40-й день голодовки амнистия, обещанная демагогическим национал-царанистским правительством, была вырвана, сражение революционеров было выиграно. Женя выжила. Что же она делает теперь?

Автор, перенося эту героиню из жизни в свое произведение, конечно, написал бы, что Женя сегодня видная коммунистка и — если здоровье ей позволяет — использует свой опыт революционерки на партийной работе... Но кто бы поверил автору, если бы он сказал, что Авербух, помимо своей воли, находится в стороне от дела, в котором могла бы быть полезной. Больше того: немалая доля ее энергии уходит на проклятые житейские неурядицы — у нее нет своего угла. Кто бы поверил этому? Да и сам писатель усомнился бы — можно ли так закончить произведение: не окажется ли искаженным типический художественный образ героя, не погрешу ли я, писатель, против норм советской общественной жизни? Но именно так и случилось с Женей Авербух, да и некоторыми другими бывшими бессарабскими подпольщиками.

Что же должен делать писатель? Разыскивать своих героев, как это сделал С. Смирнов с героями Бреста, помогать им, вмешиваться в их судьбу!

Культ личности сдерживал развитие художественной литературы о революционном прошлом — и, я думаю, не только молдавской литературы. Но и наша писательская вина очень велика. Некоторые молдавские писатели отошли от революционной тематики, хотя много могли бы рассказать народу как очевидцы и активные участники подпольной революционной борьбы. Да и сам я, подобрав лишь незначительную часть сокровищ, может быть, слишком рано оставил разработку этой неисчерпаемой темы.

Понятно, что герои революционной борьбы не могут жить только памятью прошлого. Также не может их удовлетворить то, что в книгах они зачастую выставлены как «идеальные» герои, как будто они не были живыми людьми, простыми сынами и дочерьми народа. Такими живыми они и должны предстать перед читателем в будущих произведениях, которые должны — я верю — обязательно появиться...

Забота о правильном отношении к людям, заинтересованность в живых судьбах прототипов литературных героев — это большое дело писателя, дело его гражданской совести. Такая забота, такая заинтересованность, по моему убеждению, во многом определяют, по-своему окрашивают и творческую судьбу самого писателя.

КИШИНЕВ

Памяти Ивана Франко

Ленинградское отделение Союза писателей СССР провело вечер посвященный столетию со дня рождения Ивана Франко.

— Писатель огромного разностороннего дарования,— говорит Н. Браун, открывая вечер,— прозаик, поэт, драматург, ученый Иван Франко дорог нам еще и тем, что в его произведениях живет беспокойный, страстный дух «вечного революционера».

С докладом о жизни и творчестве Ивана Франко выступил профессор И. Еремин. От имени украинской писательской организации произносит речь поэт П. Воронько. Он отмечает, что и сегодня с Ленинградом многое связывает украинскую литературу.

На вечере выступили также И. Бражнин, М. Комиссарова. Свои переводы стихов И. Франко прочитали П. Жур, Б. Кежун, А. Островский, Н. Браун, Вс. Рождественский и Н. Ушаков.

Война нельзя допустить!

Английский народ осуждает политику колониального разбоя

Лондон в эти дни похож на огромный жужжащий улей. Много людей собирается на улице, около здания парламента. Они приходят сюда, чтобы выразить решительный протест против политики западных держав в суэцком вопросе, способной ввергнуть английский народ в рискованную военную авантюру. Они признают законные права египетского народа. Об этом говорится громко и решительно.

Я слышал в кулуарах палаты общин, как молодой строительный рабочий Эдвард Терри горячо спорил с членом парламента, ярым сторонником политики Идена. «Ведь мы еще не успели отстроить того, что было разрушено в последней войне», — громко и страстно говорил он. И везде — на улице, у входа в парламент — группы людей окружают членов парламента и, несмотря на зоркое око полиции, высказывают свое мнение, осуждают игру британского правительства с огнем.

В дни, когда в палате общин происходили прения по суэцкому вопросу, длинная череда людей стояла у стен парламента; она вытянулась вдоль набережной Темзы, по мосту на протяжении не меньше полутора километров. Люди собрались там утром и не уходили до позднего вечера. Освещенные светом уличных фонарей, они шли к парламенту с требованием — сохранить мир любой ценой.

Много разных суждений можно было услышать в эти дни на улицах Лондона. Но если обобщить их, то приходишь к выводу, что молодой рабочий Эдвард Терри, может быть, и бессознательно, выразил общее настроение английского народа: «Мы еще не отстроили разрушенного в прошлой войне».

Сейчас, когда я пишу эти строки, я вижу из окна моей комнаты зияющую брешь между домами. Когда-то на этом месте стоял дом и жили люди. Они были счастливы, наверно. Но однажды ночью вражеская бомба принесла им смерть.

— Мы не залечили ран последней войны. Мы не хотим нового кровопролития.

Так думают англичане. Они не хотят новых убийств ни для кого — ни для египтян, ни для кого-либо другого. Таков был лейтмотив всего, что высказали членам парламента рядовые люди, пришедшие с заводов, шахт, контор, из своих домов. Огромная демонстрация происходила 16 сентября на Трафальгар-сквере, традиционном месте встреч лондонцев, протестующих в дни кризиса против политики правительства. Резолюции протеста против позиции Англии в суэцком вопросе были приняты на профсоюзных собраниях, на собраниях, стихийно возникавших в небольших залах на окраине города, на больших конгрессах политических партий и кооперативных организаций. Представители религиозных обществ, домашние хозяйки — все единодушны в своем требовании: «Не допустить войны из-за Суэца!».

На Трафальгарской площади в воскресенье можно было увидеть людей, впервые участвующих в демонстрации. Вначале они стояли в стороне несколько смущенные и неуверенные, с плакатами в руках. Но вскоре общий подъем и возбуждение захватили и их и они слились с массой других англичан.

— Мы не хотим войны, — звучали голоса. — Мы настаиваем на переговорах.

Шесть членов парламента — лейбористов, выступивших на митинге, — выразили единое мнение:

— Мы требуем, чтобы правительство выполняло волю народа.

Бурными овациями был встречен проживающий в Англии преподаватель-египтянин, заявивший, что, несмотря на горькие воспоминания о британском империализме, его народ полон глубоких и теплых чувств по отношению к демократическим силам Англии. С напряженным вниманием слушали собравшиеся на площади египтянина, сказавшего, что его народ будет сражаться до последней капли крови, если потребуется, но что война против Египта будет означать войну против всего арабского мира.

...Колонны демонстрантов шли на Трафальгар-сквер со всех концов Лондона. Они несли плакаты. «Наши дети надеются на будущее без войны» — гласила надпись на одном из них.

В это самое время в Ноттингемшире, на расстоянии 150 миль от Лондона, также происходил митинг протеста. Совет Национального профсоюза горняков, представляющий 40.000 рабочих, принял резолюцию протеста против политики правительства в суэцком вопросе. Такие же резолюции были приняты шахтерами, инженерами и металлургами Шеффилда — крупнейшего центра оборонной промышленности Англии, текстильщиками Ланкашира, лондонскими строителями, рабочими автомобильной промышленности, докерами. Все они присоединили свои голоса к общему голосу протеста. Наконец, на конгрессе профсоюзов в Брайтоне, где были представлены восемь миллионов английских рабочих, была также выражена решительная оппозиция всякой попытке правительства применить военные санкции.

Лейбористские лидеры были вынуждены учесть настроения трудящихся и в ходе прений дали понять, что правительство не может рассчитывать на поддержку лейбористов в случае каких-либо военных осложнений.

Известно, что в своем выступлении в парламенте Антони Иден, упомянув о желательности рассмотрения вопроса о Суэце в Организации Объединенных Наций, не дал никаких гарантий, что вооруженная сила не будет применена. Он сослался на то, что правительство должно сохранить за собой право применить соответствующие меры в случае необходимости. Но каждый знает, что речь идет о применении военных санкций!

Против позиции правящих кругов в вопросе о Суэце высказываются многие английские газеты — и лейбористский официоз «Дейли геральд», и массовая «Дейли миррор», и либеральная «Ньюс кроникл», и «Манчестер гардиан».

«Манчестер гардиан» пишет, что политика английского правительства приведет к развалу Содружества наций, к потере многих жизней к экономической изоляции Англии и Франции. Редакции газет и журналов буквально завалены письмами рядовых англичан, призывающих к отказу от политики колониального разбоя и насилия.

Читательница Саттон из Маклсфилда пишет в «Ньюс кроникл» «Все говорят одно и то же: войну нельзя допустить. Вопрос о Суэце должен быть передан в Организацию Объединенных Наций». Рекс Кросс из Стретфорда-на-Эйвоне также подчеркивает: «Сознательное игнорирование Организации Объединенных Наций — это величайшее предательство по отношению к тем, кто отдал свою жизнь в двух мировых войнах».

Таков голос английского народа. И с ним не могут не считаться. Времена безнаказанных колониальных захватов прошли.

Филипп БОЛСОВЕР,
английский журналист

ЛОНДОН, 17 сентября. (По телеграфу).

Турнир 34 команд

Когда в первый день турнира победителей XII шахматной олимпиады советские гроссмейстеры выиграли все партии в матче с командой Англии, они сразу опередили ближайших конкурентов на полтора очка. В этот, да и в два последующих тура многие зрители и даже более искушенные в спортивной борьбе участники простодушно предполагали, что путь команды СССР к завоеванию в третий раз звания чемпиона мира будет легким и коротким.

Между тем более глубокие наблюдатели уже в третьем туре обратили внимание на первый тревожный симптом: венгерские шахматисты выиграли все партии в матче с командой Израиля, у которой на день раньше команда СССР добилась победы с большим трудом и минимальным перевесом.

Только во время четвертого тура раскрылись глаза на действительное положение вещей и у остальных шахматных болельщиков. Когда венгерский гроссмейстер Г. Барца с неумолимой последовательностью доводил до победы партию с В. Смысловым, в остальные советские гроссмейстеры добивались лишь ничьей, причем М. Ботвинник (против Л. Сабо) преодолевал большие затруднения, уже простой подсчет очков показал, что в турнире два лидера, команды СССР и Венгрии набрали по 11 очков.

Затем турнирное положение осложнилось еще более, так как югославские шахматисты в каждом из матчей стали добиваться победы, иногда с крупным счетом, а вскоре в ведущую группу включилась и команда Аргентины. В составе этих четырех команд — четырнадцать гроссмейстеров и ряд сильнейших мастеров. Все это шахматисты столь высокого класса игры, что нельзя предугадать результат ни одной партии между ними. В каждом матче возможен любой результат. Борьба за золотой кубок чемпионов мира разгорается с каждым днем.

В командных соревнованиях главное, конечно, добиваться успеха всем коллективом. В связи с этим борьба за лучшие индивидуальные результаты не имеет столь большого и вообще официального значения. И все же сыграть лучше всех, особенно на первой или второй доске, весьма почетно.

Среди вторых «номеров» команд пальма первенства принадлежит пока Г. Барца. Во встречах лидеров команд по-прежнему обращают на себя всеобщее внимание успехи датчанина Б. Ларсена, его смелые и эффектные атаки, изобретательная защита.

Командное первенство мира по шахматам подходит к концу. Впереди, однако, осталось еще четыре тура, то есть сотни увлекательных шахматных партий.

Мастер Л. АБРАМОВ

У ТЕЛЕСКОПА

В дни Великого противостояния Марса астрономы крупнейших обсерваторий различных стран мира с наступлением сумерек направляют свои телескопы на эту загадочную планету. Первые «свидания» с Марсом принесли много ценных сведений о некоторых изменениях в атмосфере и на поверхности планеты. Дальнейшая обработка результатов наблюдений расширит наше представление о свойствах природы, рельефе и атмосфере Марса. В ноябре состоится конференция, созываемая Планетной комиссией Астрономического совета Академии наук СССР. Она обсудит предварительные результаты наблюдений и определит методы комплексной обработки материалов, накопленных в эти дни нашими астрономами.

На снимке: доктор физико-математических наук Н. Козырев у телескопа Крымской астрофизической обсерватории Академии наук СССР.

Фото Г. БОРОДИНА

ПИСАТЕЛИ О КНИГАХ

СПАСЕННАЯ РУКОПИСЬ

В селе Матвеев-Курган, под Таганрогом, жила немолодая учительница биологии Валентина Романовна Журавлева. Закончив нелегкий день в школе и подготовившись к урокам, она склонялась над заветной тетрадью... Долгие годы заполнялись эти тетради. Работала она увлеченно. Однако даже самым близким людям стыдилась признаться, что пишет роман. Получится ли? — терзалась она сомнениями... А не писать не могла. Обступали образы, вставали картины пройденной трудной жизни.

Наконец, Валентина Романовна решилась послать свою рукопись в город. И вот в Ростовское книжное издательство почтальон принес стопку исписанных тетрадей — три части романа «Дороги жизни».

Написанное от руки, да еще и не очень разборчивым почерком, в издательствах обычно не торопятся прочитать. Но, перелистывая страницы рукописи, главный редактор издательства — Любовь Николимовна Кащевская — почувствовала, что написана она талантливым, хотя и неопытным человеком.

Решено было отдать рукопись машинистке для перепечатки, а Журавлеву вызвать в издательство — познакомиться с нею ближе.

Позже Валентина Романовна в одном из своих писем признавалась, что когда вошла в издательство и увидела свои тетради у машинистки, первое, что ей захотелось сделать, это взять рукопись и исчезнуть, потому что вспомнила слова, кажется, Чехова,— не тот бездарен, кто не пишет, а тот, кто пишет бездарные произведения и заставляет других их читать.

А тут «еще и перепечатывать!».

В издательстве Журавлева подкупила всех своей безыскусственной скромностью, граничащей с застенчивостью. Когда ей объявили, что решено готовить рукопись к печати, Валентина Романовна, казалось, оцепенела от волнения. «Я понимаю... ответственность перед читателем...— несвязно заговорила она,— я не думала, что это стоит внимания... Еще поработаю...».

Ей дали рецензии опытных писателей на ее рукопись, посоветовали, как дорабатывать.

Окрыленная радостью, полная волнующих планов, возвратилась Валентина Романовна в село. Вот наступят летние каникулы, и она засядет за работу. Но плану этому не суждено было свершиться: учительница занемогла и вскоре умерла.

Тогда в Ростовском издательстве решили готовить роман к печати своими силами. Два года длился благородный труд. И вот недавно первая часть романа Журавлевой вышла из печати. Книга любовно оформлена художником И. Чарской.

Эта часть, собственно, экспозиционная. В ней дается история жизни девочки из Полесья — Ксении Василевич, прошедшей сложный путь и нашедшей свое счастье в работе с детьми.

В книге есть и избыток прямолинейности, и некоторые неясности, промахи, которые в состоянии был устранить лишь сам автор. Но роман покоряет своей нравственной чистотой, самобытностью, гуманной устремленностью. Он — сама жизнь: не приглаженная, не придуманная, полная борьбы страстей, испытаний, побед человеческого над злым и несправедливым.

Издательство твердо намеревается продолжить свою работу над окончанием романа. Мы можем только приветствовать это благородное стремление и верим, что читатель еще не раз помянет добрым словом работников Ростовского издательства, сумевших спасти правдивую книгу.

Борис ИЗЮМСКИЙ

РОСТОВ-на-ДОНУ

В. Журавлева. «Дороги жизни». Роман. Ростовское книжное издательство. 1956.

Ю. ДАШЕВСКИЙ,
Л. ПОЛОНСКИЙ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

„Для нас он человек посторонний"...

Посеять, вырастить и убрать рожь оказалось проще, чем определить ее урожайность. Не первый год сталкивается Георгий Трофимович Ильенко с этой неожиданной трудностью. Вот и нынче отлично уродилась выведенная им белозерная рожь. Но какова все-таки ее урожайность? Как измерить площадь посева, чем заменить общепринятые меры — гектары и центнеры?

— Какие уж там «гектары», если рожь приходится сеять на клочках земли,— невесело усмехается Георгий Трофимович.

Высокий, чуть сутуловатый, с лицом, на котором проложила глубокие борозды нелегкая, полная треволнений жизнь, и на редкость молодыми, со смешинкой глазами — таким предстал перед нами этот семидесятилетний мичуринец-самоучка. Еще до революции началось его увлечение сельским хозяйством. Работая сперва учителем на Северном Кавказе, а затем слесарем в Москве, Ильенко все свое свободное время отдавал селекции. Эта неистребимая страсть в сочетании с упорством и трудолюбием помогла ему в 68 лет закончить Институт усовершенствования знаний специалистов сельского хозяйства имени академика Вильямса. Она же привела его в 1934 году в Азербайджан.

Вот уже более пятнадцати лет Георгий Трофимович заведует Гаровским государственным сортоиспытательным участком в Нагорном Карабахе. По его инициативе колхозники окрестных селений стали выращивать картофель, которым здесь пренебрегали, и, как оказалось, совершенно зря. Много сделал приезжий агроном для пропаганды кукурузы, полбы и других сельскохозяйственных культур. Упорно и плодотворно занимается он выведением новых, более урожайных сортов пшеницы и ячменя, хотя селекция вовсе не входит в круг его служебных обязанностей.

Таков наш собеседник — человек неугомонный, вечно ищущий, непримиримый враг всякой рутины и косности. Но так живуча и порой сильна эта самая рутина, что даже энергичному Ильенко приходится иной раз испытывать горечь временных поражений...

1.

Среди многих проблем, в разное время привлекавших Ильенко, есть главная, решением которой он занимается больше пятнадцати лет. Началось с нескольких зерен сорно-полевой ржи, завезенных в Гаров колхозниками соседнего высокогорного района и случайно попавших в руки любознательного заведующего сортоучастком. Необычайно крупные зерна были высеяны и дали невиданный в тех местах урожай.

Постепенно у Ильенко образовался солидный семенной фонд. В 1945 году он собрал с одного гектара 30,9 центнера улучшенной сорно-полевой ржи, названной им «Перевал», тогда как урожайность прославленной «Петкусской» ржи составила лишь 23 центнера. Даже в следующем, неурожайном году новый сорт дал 24 центнера с гектара. Зерна «Перевала» имели белый цвет и весили значительно больше зерен обычной ржи.

Представитель Министерства сельского хозяйства СССР, проверявший работу Гаровского сортоучастка в 1947 году, так оценил труды Ильенко: «Селекция дала очень ценные итоги... На базе «Перевала» создаются новые формы с абсолютно белым пшеницеподобным крупным зерном, хорошо закрытым и, следовательно, не осыпающимся».

Столь же высокую оценку опытам селекционера дали видные советские ученые. «Работы заведующего Гаровским сортоучастком Ильенко Георгия Трофимовича по селекции пшеницы, полбы и ржи представляют большой интерес как с научной, так и с производственной точки зрения»,— писал академик Н. В. Цицин.

О том, как важна и актуальна для науки «ржаная» проблема, говорится в одном из трудов академика П. М. Жуковского: «Безошибочно можно утверждать, что в настоящее время, когда селекция ржи в Европе зашла в тупик из-за отсутствия необходимого, еще не использованного исходного материала, сорно-полевая горная рожь Закавказья может служить неисчерпаемым источником селекции ржи на неосыпаемость, крупность зерна... и пр.». Особое значение придавал П. М. Жуковский исследованиям Ильенко. «Ваши работы и находки по сорно-полевой ржи меня крайне интересуют», — писал академик опытнику. «Я буду очень рад, если вы примете участие в обеспечении Всесоюзного института растениеводства исходным материалом, так как вы, несомненно, являетесь лучшим знатоком сорно-полевой ржи»,—писал он в другом письме.

Итак, сорно-полевая рожь может стать неиссякаемым резервом для улучшения и поднятия урожайности культурной ржи. А ведь это очень важно. В особенности для северных районов страны, где рожь является основной зерновой культурой.

— Попытки придать пшенице выносливость ржи пока не достигли цели, — рассудил Ильенко. — Но так ли уж важно, из какой — пшеничной или ржаной — муки выпекается хлеб, если он вкусен, питателен, да к тому же еще белого цвета? Пока нет сортов пшеницы, способных произрастать на севере, надо улучшать рожь, «подтягивать» ее к пшенице.

В апреле 1951 года хлеб из ржи сорта «Перевал» был исследован в специальной лаборатории. Письменное заключение гласило: эластичность — хорошая, пористость — 4 балла, вкус — хороший, цвет мякиша — белый. Но «Перевал», по словам самого Ильенко, лишь «предок белозерной ржи». Еще более высокими качествами обладал ржаной хлеб, выпеченный осенью прошлого года в Москве, в лаборатории Госкомиссии по сортоиспытаниям. Кусочек этого хлеба был приложен к письму, которое прислал Ильенко в редакцию. Вещественное доказательство удивительной косности, волокиты и равнодушия к агроному-новатору и его многолетним трудам!

Как же случилось, что достижения Ильенко, получившие столь лестные отзывы видных специалистов еще много лет назад, до сих пор не стали народным достоянием? Почему, не скупясь на устные и письменные дифирамбы, никто из этих специалистов даже не подумал оказать Ильенко практическую, деловую помощь?

2.

— Георгия Трофимовича мы очень уважаем, но его опыты с белозерной рожью нам, простите, не нужны: мы рожь не сеем! — заявили нам руководящие работники Нагорно-Карабахской автономной области.

— Селекционер-самоучка Ильенко? Кто же его не знает! Но для нас он человек посторонний, ничего конкретного о его опытах сказать не берусь,— ответил директор Института земледелия Азербайджанской ССР И. Сафаров.

— Слышал о нем краем уха. Кажется, ничего серьезного у него на участке нет,— неуверенно произнес инспектор по семеноводству Министерства сельского хозяйства республики М. Шушалы.

— О работах Ильенко знал давно, еще до того, как стал его прямым начальником, — сказал инспектор Госкомиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур Т. Топчибашев. И, помолчав минуту, многозначительно добавил: но его опыты еще проверить надо...

— Неужели за столько лет нельзя было это сделать?

— В нынешнем году вплотную займемся его пшеницей «Мимоза».

— А рожью?

— Не наше дело.

Пожалуй, эта фраза наиболее ярко характеризует отношение ряда республиканских организаций к талантливому опытнику-самоучке. Не помощь, а глухое равнодушие, а то и всяческие рогатки встречал с их стороны Георгий Трофимович. Еще в июне 1943 года его непосредственное начальство категорически запретило ему заниматься селекцией ржи. Небольшие участки с подопытными посевами приходилось всячески маскировать, скрывая их от бдительного ока инспекторов. Т. Топчибашев запретил Ильенко выезжать для исследовательской работы в горные районы и принял все меры, чтобы не пустить его в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

По существу, такое же безразличие к опытам Ильенко проявляют и в республиканском Министерстве сельского хозяйства. Однажды, правда, результаты его работы обсуждались на коллегии министерства. Их целиком одобрили и постановили: «Оказать тов. Ильенко Г. Т. необходимую помощь». С тех пор прошло более семи лет, а постановление так и осталось на бумаге.

Писал Георгий Трофимович в Москву. Оттуда ему отвечали. Особенно обрадовал его ответ заместителя начальника Главного управления земледелия Министерства сельского хозяйства СССР П. Забазного. «Академик Жуковский дал положительную оценку вашей работе и рекомендовал использовать выведенную вами белозерную рожь в качестве исходного материала для селекции,— писал П. Забазный.— Принимая во внимание эту рекомендацию, Главное управление земледелия передало копию вашего письма, а также письма академика Жуковского в Управление научно-исследовательских учреждений Министерства сельского хозяйства СССР с просьбой дать поручение соответствующим научно-исследовательским учреждениям установить с вами связь и помочь вам в дальнейшей работе по выведению сорта белозерной ржи».

Увы, в дальнейшем вся связь и помощь свелись к просьбе прислать семена.

Переписка Георгия Трофимовича с московскими и республиканскими организациями едва умещается в объемистой папке. Здесь, что ни бумажка — казенные, бездушные, бюрократические отписки. Полистайте эти, с позволения сказать, документы, и вы наверняка проникнетесь еще большей симпатией к человеку с таким сильным характером, как у Ильенко, к человеку, который столько раз натыкался на глухую стену косности и равнодушия и все же не утратил оптимизма и жизнерадостности.

Стойко перенес старый селекционер очередной удар: в нынешнем году ему фактически отрезали путь к дальнейшей селекции ржи, запретив посев ее даже на небольшом участке. Пришлось утешаться тем, что белозерная рожь успешно взошла в Астраханской и Грозненской областях, куда заблаговременно были посланы семена.

Что и говорить, в трудных, очень трудных условиях работает Георгий Трофимович: постоянные запреты и ограничения, нехватка рабочей силы, да и здоровье что-то стало сдавать. Но, пожалуй, самая главная трудность — полнейшее равнодушие к нему и к его работе.

Георгий Трофимович Ильенко решает важную для народа задачу, и пора, наконец, помочь ему не на словах, а на деле. В нашей стране нет и не может быть людей «посторонних», но, к сожалению, есть еще люди, быстро остывающие ко всему, что не входит в круг их прямых служебных обязанностей, может причинить лишние хлопоты и беспокойство. «На устах мед, а на сердце — лед»,— говорят о таких в народе. Очень меткая поговорка!

БАКУ—ГАРОВ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ИСКУССТВЕННЫЕ ТРУДНОСТИ»

Статья под таким заголовком была опубликована в «Литературной газете» 21 июня. Как сообщил министр водного хозяйства Туркменской ССР тов. Бережнов, в ведении которого находится строительство Кара-Кумского канала, факты пренебрежительного отношения местных руководителей к культурным и бытовым нуждам строителей подтвердились. Вопрос о бытовых условиях, в которых живут рабочие, рассмотрен коллегией министерства. Совет Министров республики выделил дополнительные фонды продуктов, которые завозятся отныне из расчета на всех членов семей строителей.

В статье говорилось о недостойном поведении в быту главного инженера СМК-1 тов. Чугалинского. Заместитель начальника Главводхоза Министерства сельского хозяйства СССР тов. М. Ананьев сообщает, что тов. Чугалинский с работы снят.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Развивать кинолюбительство

— Простите, вы не могли бы сказать, где можно приобрести киносъемочный аппарат любительского типа?.. Видите ли, я хорошо знаю фотографию и хотел бы заняться киносъемками...

Стоит лишь кинохроникерам поставить киноаппарат на заводах, на улицах, на стройках, как задаются подобные вопросы.

Но людям, желающим стать кинолюбителями, нечего ответить. Узкопленочные съемочные аппараты у нас не производятся, трудно в торговой сети достать 16-миллиметровые негативную и позитивную пленки.

И все же в стране существуют сотни активных кинолюбителей, которые, преодолевая все трудности, достают пленку и занимаются любимым делом.

Мы встречали кинолюбителей среди людей самых разнообразных профессий. Газеты сообщали о ряде интересных фильмов, сделанных кинолюбителями Харькова. Это и документальные съемки, и съемки научные, и даже попытки создания короткометражного художественного фильма. Среди кинолюбителей — радист П. Ковцур, академик Н. Варабашов, профессора Л. Андреасов, Э. Уманский, адвокат В. Натансон, врач В. Соников и другие. Успешно занимаются киносъемками пионеры на Центральной станции юных техников имени Н. М. Шверника в Москве. Здесь также создан ряд фильмов о пионерских лагерях, о юных любителях природы и др. В журнале «Юность», № 5 за 1955 г. напечатан очерк А. Маркуша «Житомир, улица Горсовета, 10...», повествующий о том, как пионеры Житомирской детской технической станции создали свое стереокино. В газетах сообщалось о создании большого фильма на узкой пленке кинолюбителями рижского завода «ВЭФ». Фильм этот — киноочерк о заводе и его людях.

«Вечерняя Москва» в статье «Автозаводцы снимают фильмы» рассказала, как по инициативе заводского фотографа А. М. Волошинова, ставшего кинолюбителем, создаются фильмы о новой технике, о методах новаторов, повышающих производительность труда; фильмы, помогающие конструкторам новых марок автомашин; ежемесячные киножурналы, посвященные не только производственной, но и общественной жизни завода. Вокруг инициатора организовалась целая группа кинолюбителей, среди которых — конструкторы, инженеры, начальники лабораторий завода, рабочие. Своими силами любители создают и подсобную кинотехнику. В скором времени автозаводцы будут выпускать звуковые фильмы, делая их у себя от начала до конца...

Мы знаем, что советское искусство развивается в постоянном взаимодействии профессионального искусства и художественной самодеятельности. И только одна область искусства — кино не имеет за собой массовой самодеятельности.

А ведь широкое развитие кинолюбительства может стать увлекательнейшим занятием для молодежи, может выдвинуть новые таланты в профессиональное киноискусство, если это дело организовать с таким же размахом, как организуется у нас художественная самодеятельность.

Можно предвидеть, что работы кинолюбителей смогут обогатить нашу кинохронику и документальную кинематографию живым, оперативным репортажем.

Но для широкого развития кинолюбительства прежде всего нужно организовать массовый выпуск узкопленочной (для 16-миллиметровой пленки) киносъемочной аппаратуры, расширить производство 16-миллиметровых негативной, позитивной, а также «обратимой» (то есть превращающей негатив в позитив) кинопленок в таких размерах, чтобы они могли широко продаваться в торговой сети по доступным ценам. Нужно организовать производство лабораторного оборудования для обработки этих пленок в кружках при клубах и дворцах культуры, создать лаборатории, в которых кинолюбители могли бы за небольшую плату проявить и отпечатать свои пленки.

Много раз в нашей печати поднимался вопрос о создании массового журнала, посвященного фотолюбительству. Такой журнал, несомненно, нужен, и в этом журнале должны найти место и вопросы кинолюбительства.

Н. КАРМАЗИНСКИЙ

В непригодном помещении

Уже больше тридцати лет при Всесоюзном управлении по охране авторских прав Союза писателей существует отдел распространения драматических произведений.

Отдел этот, являющийся, по существу, своего рода издательством-«молнией», — единственная в Советском Союзе организация, быстро печатающая и оперативно рассылающая драматические произведения театрам, филармониям, домам народного творчества страны. За долгие годы работы установились обширные связи этого отдела с театрами. В отдел поступают ежемесячно сотни писем по вопросам репертуара. На правах периодического издания ежемесячно выпускается информационный бюллетень с аннотациями на издаваемые им пьесы.

Отдел посещают почти все авторы драматических произведений, работники театров, в том числе и из-за границы.

Однако отдел вынужден развертывать свою работу и принимать клиентуру в явно непригодном помещении. Редакторы читают пьесы, пишут и редактируют аннотации, беседуют с авторами и представителями театров в общих рабочих комнатах, где рядом другие сотрудники ведут разговоры по оперативно-хозяйственным вопросам. Больше того, нам стало известно, что Мосгорисполком предложил к 1 октября освободить часть даже того помещения, которое занимает в настоящее время отдел.

Несмотря на то, что по ходатайству Союза писателей СССР Совет Министров СССР своим распоряжением от 5 мая 1952 года обязал Мосгорисполком предоставить помещение для части отдела, до сих пор ничего не сделано. Мы считаем, что такое положение нетерпимо и что должны быть приняты срочные, действенные меры для создания нормальных условий работы отдела распространения драматических произведений ВУОАП.

Николай ПОГОДИН,
Борис ЛАВРЕНЕВ,
Валентин КАТАЕВ,

ЖИЛИЩНЫЙ „КАЗУС"

Врач-терапевт П. А. Подрабинек из гор. Электростали написал в редакцию о своих мытарствах с жильем. Работая в этом городе в течение шести лет, он, больной человек, ютится с женой и тремя детьми в маленькой двенадцатиметровой комнате. После неоднократных его заявлений и ходатайств горздравотдела горисполком предложил врачу однокомнатную квартиру в 21 кв м Подрабинек охотно согласился переехать в нее. В горисполкоме обещали решить вопрос о выдаче ему ордера на ближайшем заседании исполкома. И, действительно, решили: ровно через три дня ордер на эту квартиру был выдан... директору городского торга И. М. Лазукову.

Может быть, тов Лазуков еще сильнее нуждается в жилье? Может быть, у него бо́льшая семья? Может быть, он дольше ждет своей очереди?..

При проверке выяснилось, что директор горторга работает в Электростали всего шесть месяцев В жилье он, очевидно, не нуждается Получив ордер, он больше двух месяцев продолжал жить в гостинице

Тов. Лазуков в своей новой квартире прописаться категорически отказывался. Да оно и понятно: прописаться здесь значит потерять жилплощадь в Москве, по 7-й улице Октябрьского поля, 20, кв. 13.

Узнав, что «Литературная газета» заинтересовалась этим делом, Лазуков прописался в Электростали, а семью свою оставил в московской квартире.

Решение поистине мудрое

Об этом мы считаем необходимым довести до сведения председателя Электростальского горисполкома А. П Лысова, который, очевидно, не разобрался в этом жилищном «казусе»

М. БЕЛЬКО

г. ЭЛЕКТРОСТАЛЬ

О «живой» и «мертвой» воде

Б. САРНОВ

Это было в одной из московских школ на уроке литературы. Ученица рассказывала о Маяковском.

Между прочим она сказала такую фразу:

— Маяковский — гениальный поэт, несмотря на то, что в стихах его нет ритма и рифмы.

Человек, случайно присутствовавший на этом уроке, удивился:

— Как это — нет? Вы можете вспомнить хоть несколько строк Маяковского, в которых нет ни ритма, ни рифм?

— Могу! — столь же уверенно ответила девочка. — Вот, например:

А из-за Николаевского
чугунного мо́ста,
как смерть, глядит неласковая
Аврорьих башен сталь

Не так-то просто было убедить ее, что в этих строчках есть и рифмы и ритм, нужно только прочесть их правильно.

Смешной этот эпизод, может быть, и не заслуживал бы упоминания. Но ведь наивное заблуждение этой школьницы не возникло само по себе. В основе его лежит несколько весьма стойких представлений о том, что хорошие стихи — только те, в которых «правильный» (гладкий) размер, «точная» (то есть привычная) рифма. Наконец, — и это, пожалуй, самое главное,— в основе его лежит весьма прочное убеждение, что если Маяковский и гениальный поэт (трудно сегодня не признавать этого), то не благодаря тому, что он необычайно расширил художественные возможности русского стиха, а несмотря на это.

В последнее время у нас много писали о недостатках преподавания литературы в школе. Но, — думалось невольно, когда мы читали эти статьи, — может быть, эта примитивность школьных знаний («Расскажи идейное содержание романа Л. Н. Толстого «Война и мир») необходима как какая-то первая ступень? Говорят же на уроке физики: «Тело, находящееся в состоянии покоя», не опасаясь при этом, что школьник на всю жизнь усвоит возможность существования неподвижной материи. Дети вырастут, научатся мыслить более сложными категориями, и тогда откроется им подлинная глубина Толстого, музыка Блока, ярость и нежность Маяковского.

Но вот оказывается, что когда они вырастут, то даже тем из них, которые пойдут учиться в институт, и не в какой-нибудь, а в литературный, снова и снова будут внушать, что тема «Войны и мира» Л. Толстого — «жизнь русского общества в период войны России с Наполеоном 1805—1807, 1812 годов и к началу декабристского движения». Что эту главную тему следует уточнить частными темами: «Война России с Наполеоном 1805—1807 гг.» и «Отечественная война 1812 года», а также частными темами: «Жизнь народа» и «Жизнь дворянства». Что эти частные темы в свою очередь подразделяются на подтемы — например, такую частную тему «Войны и мира», как «Жизнь дворянства», мы должны будем пояснить подтемами: «Столичное дворянство», «Усадебное дворянство», «Дворянская молодежь» и т. д. и т. п.

Все это почерпнуто нами из «Введения в литературоведение» Л. Щепиловой, учебника, предназначенного для литературных факультетов педагогических институтов.

Маяковский как-то сказал о выступлении одного критика, что оно состоит из весьма спорных положений. Но есть и положения бесспорные, добавил он, только те, которые бесспорные, те совсем неверные. Многие страницы книги Л. Щепиловой заполнены такого рода «бесспорными» положениями.

Взять хотя бы ее определение темы, исходя из которого тема «Войны и мира»— жизнь русского общества в период войны России с Наполеоном, тема «Разгрома» Фадеева — «дальневосточные партизаны в годы гражданской войны и интервенции» и т. п. Понятие «тема» в том смысле, в каком оно употребляется в книге Л. Щепиловой, игнорирует в писателе художника, уподобляет его школьнику, пишущему сочинение «на заданную тему».

Именно в результате такого, кстати говоря, довольно распространенного у нас представления о работе писателя и появляются всякого рода вульгарные домыслы, будто писатель, поэт может легко обратиться к любой теме, может даже «подарить» свою тему другому поэту или писателю, как якобы Пушкин подарил Гоголю тему «Мертвых душ».

«Тема, — говорит Горький, — это идея, которая зародилась в опыте автора, подсказывается ему жизнью, но гнездится во вместилище его впечатлений еще неоформленно и, требуя воплощения в образах, возбуждает в нем позыв к работе ее оформления».

Запас мыслей, жизненных наблюдений художника, который гнездится «во вместилище его впечатлений еще неоформленно», можно сравнить с насыщенным раствором, в который достаточно опустить одну крупинку соли, чтобы началась кристаллизация. Именно такой «крупинкой», обусловливающей начало «кристаллизации» (то есть начало воплощения в образах еще не оформленных впечатлений художника), был для Гоголя разговор с Пушкиным о человеке, который скупал мертвые души.

Такой «крупинкой» может явиться что угодно: любой жизненный факт, любой эпизод, услышанный писателем, простое газетное сообщение, попавшееся ему на глаза. Но тема произведения должна быть кровной темой писателя, связанной с его восприятием мира, с его отношением к жизни, с его биографией.

В книге Л. Щепиловой немало определений и формулировок неточных, противоречивых, примитивно-школярских, а иногда и просто бессмысленных. Что означает, например, такое утверждение: «Кульминация показывает, почему поставленный в произведении вопрос не может оставаться нерешенным»? Как понять сочетание слов: Маяковский создал «новую эмоционально-ритмическую систему стиха»? Что вообще значит эта формула — «эмоционально-ритмическая система стиха»?

А вот что получается, когда Л. Щепилова обращается к анализу конкретных литературных образов: «...Салтыков-Щедрин высмеивает тупость, ограниченность, дикий произвол царской администрации, создавая образ градоначальника Брудастого, прозванного Органчиком. Органчик воплощает эти свойства царской администрации в своей способности снимать и снова надевать собственную голову и даже играть ею, так как это не голова, а ящик с небольшим органчиком...».

Можно было бы составить длинный перечень всякого рода несообразностей, которыми пестрит эта книга.

Но главная беда Л. Щепиловой состоит в том, что основой теории литературы она пытается сделать вневременные, для всех писателей и книг обязательные определения. Из книги ее с непреложностью следует, что во все времена писали, подчиняясь одним и тем же литературным канонам, а если писали иначе, то ошибались. А если писали иначе и получалось хорошо, то это — исключение из правил, это несмотря на то, что нарушали нормы литературного «хорошего тона».

Всякое утверждение, верное само по себе, превращается в книге Л. Щепиловой в правило, то есть в положение, правильное всегда и для всех. Вот, например, она приводит слова Дидро: «...те двадцать четыре часа, которые предстоят вашим персонажам, — самые бурные, самые мучительные в их жизни». Л. Щепилова ссылается на эти слова, говоря не о своеобразии драмы, а о сюжете вообще, и тем самым превращает их в общее положение. Между тем положение это, вполне применимое к классицистической драме, мало пригодно для анализа пьес Чехова и вовсе не пригодно для анализа его рассказов.

Точно так же Л. Щепилова превращает в посылку для своих силлогизмов известное высказывание Маяковского о рифме, после которого делается категорический, непререкаемый вывод: «Образование рифмы у подлинных мастеров стиха связано с выдвижением в конец строки (как на наиболее сильно звучащее в ней место) слов, несущих основную... нагрузку». Проанализировав с этой точки зрения, скажем, стихотворение Блока «В густой траве пропадешь с головой», мы вынуждены будем признать, что автор этого стихотворения, увы, не может быть причислен к разряду «подлинных мастеров стиха».

Л. Щепилова совершенно игнорирует тот простой факт, что и принципы рифмовки и функции рифмы в стихе менялись. Если верить ее учебнику, «Нацелясь — Венецуэле» — ассонанс А уж «Николаевского — неласковая» или «моста — сталь», — наверно, и вовсе не рифма? Может быть, действительно права была школьница, утверждавшая, что в стихах Маяковского нет рифм?

Цытаясь определить жанр рассказа, Л. Щепилова пишет: «Число персонажей в рассказе обычно очень невелико. Оно может доходить и до двух («Челкаш» Горького) и даже до одного («Спать хочется» Чехова), что уже совершенно невозможно ни в романе, ни в повести». По этому признаку «Старик и море» Э. Хемингуая безоговорочно следует зачислить в рассказы.

По мнению Л. Щепиловой, произведение должно отличаться единством содержания. «Тема, — говорит она, — определяет соответствующий, строго последовательный отбор того, что может и что должно быть показано в произведении». Казалось бы, что ж, все правильно. Но если вспомнить, что называет Л. Щепилова темой произведения, рассуждение это приобретет совершенно иной смысл. Дескать, если уж ты взялся писать произведение, скажем, «на колхозную тему», нечего тебе приплетать сюда не идущие к делу эпизоды из жизни рабочих или интеллигенции. И вообще для чего понадобились Сервантесу вставные новеллы, занимающие в «Дон Кихоте» почти столько же места, сколько история похождений рыцаря печального образа?

Ленин говорит в «Философских тетрадях»: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, огрубив, не разделив, не омертвив живого». Но для диалектика живой процесс, даже когда он, осмысливая, разлагает его на части, остается именно процессом, живым и непрерывным. В русских сказках погибшего героя воскрешают при помощи «живой» и «мертвой» воды. Если тело его разрезано на куски, их обрызгивают «мертвой» водой, и они срастаются. Потом тело обрызгивают «живой» водой, и герой оживает.

Непрерывный, сложный, живой литературный процесс, искусственно расчлененный на эпохи и исторические периоды, Л. Щепилова в своей книге пытается привести к одному знаменателю. Она пытается найти для этого «мертвую» воду — единые определения и правила, равно пригодные для всех времен и разных литературных явлений. Но занятие это становится бессмысленным и бесплодным, если обладатель «мертвой воды» не владеет «живой водой» диалектики.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Николай АСАНОВ

Встретив их, давних своих знакомых, долго вглядываешься в лица, пока на память не придут все обстоятельства знакомства. Сквозь слой изменений, какие всегда оставляют годы, проступит, наконец, тот образ, что привлек внимание тогда, при первой встрече, и в зависимости от перемен либо воскликнешь: «Как вы изменились!», — либо обрадуешься тому, что время словно бы и не коснулось знакомых черт. Только не лгать. Только не утешать ненужными сожалениями о прошедшей молодости...

Так происходит и с книгами. Только на них, к сожалению, чаще сказывается бег быстротечного времени, «лицо» их быстрее покрывается морщинами, скорее увядает первоначальный аромат.

Но как приятно взять в руки книгу, в которой собраны произведения твоего соратника за двадцать лет, и увидеть: сделано было много, и, как видно, сделано неплохо, если автор спокойно выносит свою работу на суд читателей.

Последние годы наши издательства в основном держали курс на массовые переиздания одних лишь премированных произведений. Остальные авторы теснились в отделе новинок с тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров, и кто знает, сколько хороших произведений по произволу переиздателей не дошло до читателя, так как эти тиражи не попадают в массовые библиотеки, они вне поля зрения критиков, их раскупают любители.

Тем более необходим сейчас выпуск сборников — однотомников произведений многих лет, которые позволяют читателю самому судить о пути автора.

Александр Письменный принадлежит к числу тех, кто много и упорно поработал в литературе. Перед нами, несомненно, зрелый писатель, имеющий свою тему, свою манеру, я сказал бы даже—свой цвет. И это цвет времени.

Письменный, получивший инженерное образование, объехавший с рюкзаком за плечами всю страну, писал о своих сверстниках, таких же работниках, как и сам. Вот почему главной темой писателя стало тонкое исследование того, как же влияет труд на характер человека. Письменный, конечно, нигде не говорит об этом прямо. Он умный и сосредоточенный писатель, он берет своего современника таким, каков тот на самом деле, и тщательно прослеживает его жизненный путь. И вот оказывается...

Но то, что происходит с человеком, когда он искренне влюбляется в свое дело (а в нашей стране труда мало бездельников), легче всего показать на разборе некоторых произведений писателя.

Возьмем повесть «В маленьком городе», которая дала название всему сборнику. Письменный опубликовал ее в 1938 году. Он увидел тогда много подробностей из жизни маленького городка и написал о нем без прикрас. Но вот что самое интересное: правда того времени оказалась настолько жизненной, что значимость произведения не только не утерялась, но и возросла. Конфликты, подсмотренные тогда, живы и сейчас. По-прежнему есть равнодушные директора предприятий, такие, как Абакумов, пытающиеся за внешней шумихой с показными рекордами скрыть свою леность и неумение руководить. Бывают и такие конфликты, как у молодой станочницы Севастьяновой, которая силой обстоятельств вынуждена бороться сама с собой, так как — по народной пословице «слава о богатыре больше, чем сам богатырь!» — Катенька Севастьянова оказалась выдвинутой на опасную высоту и только тогда поняла, что душа ее мелка для этой высоты. Все это случается и теперь.

Герой повести молодой инженер Муравьев совершает трагическую ошибку. Еще по пути в городок он встречает жену своего будущего начальника Соколовского и между делом, как говорится, заинтересовывается ею. Характеристика Соколовского, данная его женой, убеждает Муравьева, что тот неудачник, что женщина глубоко несчастна. Возникает короткая, ненужная обоим связь.

И вот выясняется, что Соколовский — это кажущийся неудачник. Он увлекает Муравьева своей борьбой за производство, становится его другом и учителем. Меж тем где-то в стороне от широкой жизни, увлекающей и Муравьева и Соколовского, мечется согрешившая женщина. Мечется в безделье, в мелких страстишках. Но писатель убежден, что каждый человек, в сущности, талантлив, только одни зарывают свой талант в землю, другие развивают его. И это не только мнение писателя,— так думает большинство наших людей, так думают и герои Письменного. Пароксизм отчаяния и неустроенности заставляет Соколовскую признаться в измене. И вот оказывается, что Соколовский шире душой, тоньше, умнее и лучше понимает происшедшее. Душевная мука остается, ее не избыть, но урок так серьезен, что отныне все станет иным.

И когда Муравьев начинает, наконец, понимать характер Соколовского, когда он улавливает главную черту в этом характере — деятельную волю, направленную прежде всего на то, чтобы улучшить общее дело,—он понимает и ошибку жены Соколовского, подошедшей к мужу с обыденной точки зрения — хорош ли он дома, и порицающей мужа именно за то, что дома он не умеет поставить себя хозяином, устроителем маленького комнатного уюта. И пока жена обвиняет Соколовского во всех своих личных неудачах и грехах, перед глазами Муравьева возникает человек, которого молодому инженеру можно взять за образец поведения. Молодой человек глубоко осознает свою большую жизненную ошибку, и это помогает ему найти свое место в борьбе за общее дело. Перед нами — уже качественно другой человек, совсем не тот, каким мы его видели в начале повести. Этот неожиданный перелом в характере молодого инженера показан мягко, без нажима, и хотя трагедия произошла, мы верим, что эти люди изживут ее, она не сделает их врагами.

Эта же тема Письменным разработана еще раз в рассказе «Кочевник». Но главное в обоих произведениях — портрет молодого человека нашего времени. Пусть этот портрет сделан еще эскизно, но изображен именно такой человек, которого охватывает «одной лишь думы власть — одна — но пламенная страсть», и эта страсть наполняет жизнь человека большими идеями и делами, спасает его от пошлости, безделья, бездумья...

Вот эта-то окрыленность в восприятии самого главного для человека — его трудовой деятельности — и отличает Письменного как писателя. Какое бы произведение вы ни взяли, вы всегда ощущаете дыхание романтики, ведущей человека на трудовой подвиг. Просмотрим с этой точки зрения рассказ «Возвращение».

Безногий солдат возвращается из госпиталя. В прошлом он был знатным охотником. Теперь, по всей видимости, ему уже не бродить с ружьем. Но вот, еще в вагоне, он слышит рыдающий крик другого инвалида, которому кажется, что вся жизнь пропала. Стремление преодолеть этот вязнущий в ушах крик заставляет бывшего солдата совершить подвиг. Он уходит один на лодке в болота за зверем. Да, ему трудно, но это необходимо для его души, для его будущей жизни. И то, что ему, несмотря на невыносимые, казалось бы, мучения, удается победить в этой неравной борьбе свою инвалидность, свою боль, возрождает и моральную и физическую силу этого человека. Так человек через подвиг возвращается к мирному труду.

Я не буду рассматривать все рассказы и повести сборника — их много. Мне хочется еще сказать о характере людей, описываемых автором. Посмотрите, как много душевной мягкости и чистоты в этих людях. Да, они занимают твердую позицию в этом мире...

Приятно видеть, что подсмотренные у жизни нехитрые сюжеты оказались устойчивее многих, казалось бы, более ярких, но придуманных рассказов того времени. И то, что Письменный любит своих героев, но не приукрашивает их, дает читателю прекрасное ощущение правды.

Есть, конечно, и слабые рассказы в сборнике. К таким я отнес бы «Восточные меридианы», «Мальчик у Тетнульда», «В коридоре», но это уже издержки большого, без скидок, производства. Иногда кажется, что Письменный забывает о столь сильном средстве воздействия на читателя, как пейзаж, живописание обстановки, в которой действуют герои, и тогда повествование становится протокольным, сухим. Часто язык чрезмерно упрощен, и вдруг возникает подряд несколько абзацев очерка, который так и не стал художественной прозой.

Этот недостаток, к сожалению, присущ не одному Письменному. Иногда можно отчетливо проследить ту странную закономерность, с которой появляется очерк в художественной прозе. Часто очерк становится единственным оружием автора при описании производственных процессов, особенно если автор вводит их лишь как своеобразную отписку. Сравните у Письменного описание мартеновского цеха, в которое включена сухая справка о рекорде Макара Мазая, с такими страницами повести, где Письменный начинает описывать людей, спорящих о производстве. Здесь предмет изображения как будто бы и тот же, но проза оживает, становится полнокровной, захватывает читателя. И хорошо написанных страниц больше, потому-то запоминаются именно они.

Хорошо, что писатель смог собрать так много добротных произведений. Но очень плохо то, что тираж этой книги опять — пятнадцать тысяч экземпляров, то есть только для любителей...

Александр Письменный. «В маленьком городе». Повести и рассказы. «Советский писатель», Москва. 1956. 662 стр.

СОЧИНЕНИЯ А. С. ПУШКИНА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В Ленинград из Парижа приехал знаток творчества А. С. Пушкина — литературовед Андре Мазюй. Он готовит к печати произведения великого русского поэта в переводе на французский язык — первое во Франции полное собрание его сочинений.

Первый том собрания, объемом в 750 страниц, издательство А. Боин выпустило в 1953 году. В него вошли все повести А. С. Пушкина, в том числе и неоконченные, а также его драматические произведения, из которых «Пир во время чумы» и «Сцены из рыцарских времен» переведены во Франции впервые. Книга иллюстрирована рисунками поэта и сопровождается полной библиографией его прозаических и драматических произведений. Краткую биографию Пушкина для первого тома написал известный французский романист Г. Тройа, автор книги о великом русском поэте. Сейчас в Париже печатается третий том полного собрания сочинений.

В настоящее время А. Мазюй работает над рукописями А. С. Пушкина в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» он рассказал:

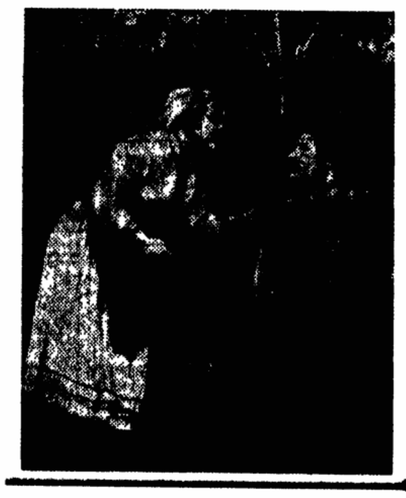
— Интерес французского народа к творчеству великого русского поэта проявился еще при жизни Пушкина. Первые переводы его стихотворений были сделаны в 1821 году. В 1823 году в Париже вышли на французском языке отрывки из поэмы «Руслан и Людмила», а несколько позднее — повесть «Выстрел».

Наиболее популярны во Франции прозаические произведения Пушкина. Один из первых переводов «Пиковой дамы» сделал П. Мериме, а трех повестей Белкина — А. Дюма-отец. С тех пор во Франции «Пиковая дама» издавалась более тридцати раз, а «Выстрел» и «Капитанская дочка» — около тридцати раз, причем последний раз в 1953—1954 гг. Особенно много переводов произведений Пушкина вышло после войны.

Первый том полного собрания сочинений великого русского поэта, выпущенный у нас в 1953 году, хорошо встречен во Франции: в первые же дни было продано семьсот экземпляров. Печать также положительно оценила наше начинание.

Печатаемый сейчас третий том содержит более 460 писем Пушкина, его дневники, критические статьи и «Путешествие в Арзрум». Выпуск второго тома, в котором будут помещены стихотворения и поэмы Пушкина, несколько задержался. Вероятно, его придется разбить на два полутома.

— Надо заметить,— добавил А. Мазюй,— что французский народ проявляет большой интерес к творчеству русских писателей. Особенной любовью французов пользуются Л. Толстой, Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Чехов, Н. Гоголь и М. Горький.



ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В Таджикистане

«АНТОЛОГИЯ ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ». Президиум правления СП Таджикистана рассмотрел план второго издания «Антологии таджикской поэзии». Как известно, первое издание вышло в 1951 году. За истекшее время таджикская поэзия обогатилась новыми именами. В антологию будут включены стихи Боки Рахим-заде, Мирзоева, Шукухи, Ансори и других молодых поэтов. Новыми произведениями будут представлены поэты старшего поколения — Мирзо Турсун-заде, Дехоти, Миршакар и другие. Более широкое отражение найдет устное поэтическое творчество. Значительно пополнится образцами поэзия конца XIX—начала XX столетия. Серьезно пересматривается раздел классической поэзии, для него подготавливаются новые переводы.

Главным редактором антологии утвержден Н. Тихонов.

АЛЬМАНАХ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТАДЖИКИСТАН». Вышла в свет восьмая книга альманаха Союза писателей Таджикистана на русском языке. От прошлых номеров она выгодно отличается большим тематическим и жанровым разнообразием. Помимо разделов прозы, поэзии, драматургии, критики, здесь имеются разделы «Творчество молодых», «Юным читателям», «Искусство», «Спорт», «Сатира и юмор». В разделе «Голоса зарубежных друзей» читатель может ознакомиться с переводами рассказов прогрессивного индийского писателя Балванта Гарги. Большой интерес представляют опубликованные в разделе «Новые переводы» отрывки из «Шах-наме» Фирдоуси.

ДЛЯ ДЕТЕЙ. Таджикская детвора получила замечательный подарок — богато иллюстрированное издание «Спартака» Джованьоли. Вышли в свет также «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Васек Трубачев и его товарищи» В. Осеевой, повести — Якуба Коласа «Дед Талаш» и эстонского писателя Л. Кахаса «Друзья». До конца года выйдут из печати «Воспоминания» С. Айни, новая сказка в стихах М. Миршакара «По чьей вине?», книжки стихов Розии Озод, Г. Мирзоева, Гульчехры Сулейманова и других таджикских поэтов.

Е. ЛОПАТИНА,
соб. корр. «Литературной газеты»
СТАЛИНАБАД

50-летие С. КИРСАНОВА

В связи с пятидесятилетием со дня рождения поэта Семена Кирсанова правление Союза писателей СССР и правление Московского отделения Союза писателей обратились к юбиляру с приветствием, в котором говорится:

«Тридцать лет тому назад впервые прозвучал в советской литературе Ваш яркий и самобытный поэтический голос. Ваши стихи сразу же привлекли к себе внимание своей свежестью, молодым задором и остротой.

Вместе с другими советскими поэтами Вы много сделали для творческого освоения и развития боевых традиций революционной поэзии Владимира Маяковского. В годы первой пятилетки, а затем и в последующие годы Вы много сотрудничали в нашей печати и как поэт и как очеркист. Поэт-гражданин, Вы с первых же дней Великой Отечественной войны приняли активное участие в работе «Окон ТАСС» и в деятельности фронтовой печати.

В послевоенные годы Вы создали поэму «Александр Матросов», в которой взволнованно рассказали об одном из бессмертных наших героев. Всенародное признание получила Ваша поэма «Макар Мазай». Ваше творчество заслуженно пользуется вниманием советского читателя».

ДОБРОЕ ИМЯ ТЕАТРА

О ГАСТРОЛЯХ КРАСНОЯРСКОГО ТЕАТРА В МОСКВЕ

В МОСКВУ из далекой Сибири приехал Красноярский театр. Он показывает столичному зрителю пять своих спектаклей.

Когда знакомишься с новым театром — новым живым организмом, — поначалу не так уж важны его частные удачи и промахи, особенности той или иной постановки. Хочется понять театр в целом, узнать, какой он, чем живет и дышит. В данном случае: чем живет и дышит Красноярский драматический театр. И впечатление столь двойственное, что об этом стоит поговорить.

«Хребты Саянские» и «Преступление и наказание». Две заслуживающие уважения попытки создать большое сценическое полотно на материале широкоизвестных произведений прозы. Обе предприняты главным режиссером театра А. Дунаевым. Обе потребовали от коллектива предельного напряжения сил, мобилизации всех постановочных средств.

Казалось бы, «Хребты Саянские» ближе, доступнее театру и потому, что повествуют о родной красноярцам Сибири, о делах не столь давно минувших дней, и потому, что роман С. Сартакова не ставил перед исполнителями и режиссурой таких непомерно трудных задач, с какими они встретились, едва прикоснувшись к Достоевскому. Было бы естественно ожидать от красноярцев хорошего спектакля на «местном» материале и подойти к оценке «Преступления и наказания» с учетом трудностей, возникших перед театром, первым в Союзе воплотившим гениальный роман.

Случилось как раз наоборот. Достоевского в Красноярском театре сыграли так, что скидки оказались ненужными. И это разрушило то досадное чувство, которое волей-неволей возникло на спектакле «Хребты Саянские». Эта постановка была буквально загублена на корню слабой, поспешно скроенной инсценировкой А. Чмыхало.

Пьеса похожа на роман Сартакова, как чертеж на объемный и многогранный предмет. Все, что в романе облечено живой тканью, здесь представлено в схеме, прямолинейно. Сохранен скелет романа, его тема — рост самосознания рабочей семьи под влиянием марксистских идей, проникающих в старую, патриархальную Сибирь. Но «способ обработки» темы, как говорил Маяковский, таков, что он не сохраняет ничего индивидуального в пьесе. К тому же она конструктивно не выстроена, в ней много ружей, которые не стреляют, личная драма Лизы Коронотовой, вынужденной подкинуть ребенка чужим людям, формально вплетена в историю подъема революционного движения в Сибири, о которой пытается рассказать театр.

Сыграны «Хребты Саянские» профессионально — и только. В спектакле нет ни одного провала, но нет и ни одной настоящей актерской удачи. Режиссер проявляет себя в нем корректно, но без тени самостоятельности. В нем все как будто по правде, и ничего от жизни с ее радостями и тревогами.

А на следующий день шло «Преступление и наказание», и мы увидели другую режиссуру, других актеров и другой театр.

«Преступление и наказание» — спектакль с темой, с «лицом». Достоевский прочитан красноярцами по-своему — спорно с позиций исследователей творчества писателя, бесспорно с точки зрения права театра рассматривать произведение под своим углом зрения. Театр не только отбросил все христианские мотивы романа, мотивы смирения (это сделано уже в удавшейся инсценировке С. Радзинского), он остался равнодушным и к ницшеанской, индивидуалистической философии Раскольникова, к самой проблеме: «Наполеон» ли он или «вошь», волнующей героя романа.

Раскольников совершает ложный шаг, ошибку. Убийство старухи-процентщицы — не выход из жизненного тупика, не средство борьбы с социальным злом, потрясающим чуткую душу героя. В спектакле Раскольников безуспешно электризует себя, декларируя «право сильного» преступать через нравственный закон, а нравственное чувство, ему свойственное, говорит иное, гложет сердце героя, отравляет каждый его порыв сознанием бесцельности совершенного. Конфликт исчерпывается тогда, когда Раскольников с помощью Сони сам обрывает затянувшуюся игру. Но это не крушение героя, а его победа над самим собой и, быть может, начало какого-то нового жизненного поприща, оставшегося за рамками спектакля.

Когда смотришь «Преступление и наказание», понимаешь, что в Красноярске работает театр большой и давней культуры. Понимаешь и то, что А. Дунаев — режиссер вдумчивый, чуткий к особенностям стиля автора, местами тонкий. На сцене оживает (художник Г. Волков) Петербург горячечных снов Раскольникова, Петербург бедных людей, серого камня и нищеты, убивающей и не убившей — что с радостью констатирует театр — человеческое в человеке. В спектакле ощутим так свойственный Достоевскому темперамент мысли: в нем есть сцены, отмеченные печатью подлинного искусства, детали, поражающие своей угаданностью. Наконец, в этом спектакле совсем иначе проявляют себя актеры, твердо вступая на путь индивидуальных и сложных решений. Успех «Преступления и наказания» несомненен уже потому, что в нем удались Раскольников, Соня, Мармеладов, Порфирий Петрович, Пульхерия Александровна, Свидригайлов.

Раскольников Н. Федорова — гордый юноша с больным самолюбием, с манерами резкими и порывистыми, с озлобленным желчным умом и с внезапно прорывающейся нежностью в отношениях с матерью, Соней, сестрой. Раскольников живет на сцене двойной жизнью: он и открыт окружающим его впечатленьям бытия — оскорбительным, горьким впечатлениям! — и постоянно снедаем растущей тревогой за исход совершенного, за свой завтрашний день, за всех этих бедных людей, перед которыми он чувствует себя в ответе. В спектакле отчетливо прочерчена линия демократических симпатий Раскольникова, и это в еще большей степени переводит драму героя из плана философского в план социальный.

Почти в каждом образе этого спектакля есть небанальное, выношенное, свое. Это ощутимо в вкрадчивой, кошачьей мягкости Порфирия Петровича — А. Сергеева, в его обволакивающих манерах, великолепно оттеняющих бесчеловечность «закона», бездушье системы, которую он представляет; в нравственной прелести облика Сони — совсем не монашки и совсем не святоши в исполнении О. Байкаловой, а лишь существа, наделенного острым чувством добра; в глухом протесте Мармеладова — В. Мерецкого, в невысказанном «за что?», прорывающемся сквозь тихую исповедь этой горемычной жизни; в проницательности сердца безответной и скромной Пульхерии Александровны — А. Сиротиной; в неподдельном чувстве циника Свидригайлова — П. Словцова, чувстве, приводящем негодяя к трагическому концу.

Итак, два спектакля — два театра. Нет сомнений: истинный стиль красноярцев раскрывается на спектакле «Преступление и наказание». Но ведь есть люди (их много), которые уходят со спектакля «Хребты Саянские» в твердом убеждении, что видели плохой театр. Зачем же, рискуя своей репутацией, театр привез в Москву явно несовершенное произведение, да еще «заявил» им себя в первый же день гастролей?

Побуждения понятны. Театру хотелось выступить в столице со «своей» пьесой. Такова традиция всех последних лет. Традиция хорошая, но выполнимая лишь при наличии реальных ресурсов. Ведь «местная» пьеса — явление временное. Обладая действительными достоинствами, она очень скоро перестает быть местной — вспомним о Н. Винникове, В. Лаврентьеве, А. Салынском. Если же пьеса не имеет шансов стать «общесоюзной», вряд ли может она явиться программой для театра и выражать его лицо в ответственном творческом смотре, каким являются гастроли в Москве.

Это очень плохо, что мы все еще часто мыслим формально, по трафарету. Раз заведено, что периферийный театр гастролирует с местной пьесой, — значит давай местную, какова бы она ни была. А страдает, в конечном счете, театр, его репутация, его доброе имя. И жаль, что у красноярцев не хватило духа сказать самим себе и организациям, ведающим устройством гастролей: «Спектакль «Хребты Саянские» в его настоящем виде не должен представлять театр в Москве осенью 1956 года. Давайте откажемся от этой затеи, как она ни заманчива. Давайте попробуем со всем нашим «местным» патриотизмом хорошо сыграть пьесу, которая идет — или может идти — в Красноярске и во Владивостоке, в Мурманске и в Орле».

З. ВЛАДИМИРОВА

На снимке: сцена из спектакля «Хребты Саянские». Лиза — засл. арт. Узб. ССР В. Романцева, Лебедев — арт. В. Кульзбеков.

Свидетель или участник?

И. РОДНЯНСКАЯ

НОВАЯ повесть С. Залыгина внешне лишена драматического напряжения и сюжетных неожиданностей. Она содержит только очерк одного человеческого типа да намек еще на два-три характера и сверх того нечто, обычно называемое «настроением» или «подтекстом» произведения. Секрет последнего заключается в умении писателя рисовать совершенно невинные и как будто не имеющие прямого отношения к действию повести предметы и события с притворным беспристрастием, но вместе с тем так, что каждый или каждое из них незаметно оставляет след в памяти читателя.

Некоторые, вероятно, назовут — и не совсем без основания — повесть Залыгина примитивной и даже банальной. Однако они ошибутся, увидав в «Свидетелях» только карикатуру на некоторые уже хорошо известные большой и малой литературе типы, сдобренную несколькими прописными истинами.

Построение повести отличается простотой. Пять небольших главок: в первой из них преподавательница английского языка Евгения Меркурьевна приезжает на родину из провинциального города (где она работает в ветеринарном институте); она собирается защищать кандидатскую диссертацию, ей нужно разыскать троих свидетелей — трех старых знакомых, чтобы обзавестись бог весть когда и где потерянной справкой о среднем образовании. В трех следующих главах Евгения Меркурьевна встречается после долгой разлуки со своей ближайшей подругой, с семьей, хорошо знакомой ее покойному мужу, с товарищем детства и, получив желанные справки, в пятой, последней, главе возвращается домой. Вот и все. Нужно, правда, добавить, что путешествие в город ее юности приносит героине повести скорее грусть и огорчение, чем радость, потому что экспансивная, энергичная, неугомонная и в высшей степени порядочная женщина перессорилась со своими прежними друзьями, превратившимися в обывателей: ее подруга, называемая ею даже мысленно не иначе, как «дорогой Нино», порабощена, лишена воли и нравственного чувства своим мужем, самодовольным и педантичным эгоистом; старый знакомый мужа Евгении Меркурьевны, профессор биологии Лоснякович, оказался лжеученым и трусливым приспособленцем, а друг детства Костя Пухалов, по-прежнему милый и мягкосердечный человек, стал чиновником, главой абсолютно бесполезного учреждения.

Ближайший замысел автора, по-видимому, заключался в том, чтобы показать нелепость, безнравственность и вредоносность поведения определенной разновидности обывателей глазами человека, который отличает правду от лжи, фальшь от искренности, справедливость от несправедливости не столько благодаря рассудку, опытности, здравому смыслу, сколько с помощью чувства, безошибочной интуиции. Свидетельская, молчалинская, трусливо безучастная жизненная позиция Лосняковичей или Пухаловых, равно как их претензии сохранить, несмотря на эту позицию, какое-то подобие моральной чистоплотности, естественно, вызывают у такого человека самое горячее возмущение.

Заметим все же, что не обрисовка характеров самих «свидетелей» делает оригинальным произведение. Писатель здесь часто сбивается с объективного тона на карикатуру, потеряв чувство меры в изображении забот Бориса Евграфовича о своем здоровье и особенно в несколько растянутом описании быта Лосняковичей и в дидактическом противопоставлении Пухалову добродетельного начальника конторы «Утильсырье» Деева.

Основное в повести Залыгина — не попытка встать на почву откровенной сатиры, а создание центрального характера Евгении Меркурьевны и изображение отношений, в которых она находится с действительностью, житейской реальностью.

Моральный кодекс Евгении Меркурьевны прост: «Правда—одна... Она требует, чтобы ей одной верили и ей служили»... «Для меня это такие далекие понятия — стерня, сроки сева, травы. Но все-таки я знаю, что есть правда о стерне, правда о сроках сева, правда о травах... И если кто-то изменил этой не великой, а самой простой, самой обыкновенной житейской правде, значит он изменил людям ради себя... Где-то, в чем-то эта измена несла ему, лично ему, выгоду...». Когда Евгения Меркурьевна видит в чем-нибудь измену этой «обыкновенной правде», она непременно должна вступиться за нее, так сказать, **сунуть нос не в свое дело**,—и поступает она так не потому, что в своих возвышенных мечтах считает себя каким-то миссионером истины, а потому, что, если она не вмешается, она будет чувствовать себя соучастницей лжи. К государственным и политическим вопросам она тоже приобщается чувством, через конкретное впечатление. Такие люди, как Евгения Меркурьевна, слывут беспокойными и неуживчивыми, но к ним тянется все симпатичное, честное и прямое; им бывает известно счастье настоящей дружбы и непритворного уважения.

Однако почему же повесть Залыгина оставляет смутное чувство неудовлетворенности и грусти? Сам писатель, очевидно, не рассчитывал произвести подобное впечатление. Об этом свидетельствует бодрая концовка повести, создающая видимость определенной перспективы: не успев приехать домой, неугомонная Евгения Меркурьевна уже вступила в новое столкновение из-за несправедливого уменьшения количества часов, отведенных на занятия английским языком. И все же...

Припомним один эпизод. Евгения Меркурьевна перед свиданием с Костей Пухаловым наблюдает за экскаватором, работающим у самого крыльца пресловутого Главвторцветмета. «Заметив интерес к его машине, экскаваторщик, совсем еще молодой, в кепке козырьком назад, махнул из кабины рукой, а когда Евгения Меркурьевна кивнула ему, он почему-то развеселился, покачал головой и засмеялся. Должно быть, он подал ей знак, чтобы она не торчала на крыльце, а она приняла это за приветствие». Потом уже после неудачного свидания с Пухаловым «она долго еще стояла рядом с отвалом на краю котлована, пока не вздрогнула от пронзительного свиста. В кабине экскаватора, заложив два пальца в рот и заглушая грохот машины, свистел чумазый моторист в кепке, надетой по-прежнему козырьком назад. Когда Евгения Меркурьевна взглянула на него, он сердито погрозил ей кулаком. Она кивнула и отошла в сторону, а на то место, где она только что стояла, рука экскаватора тотчас опустила огромную горсть влажной земли... Евгения Меркурьевна улыбнулась, махнула экскаваторщику и пошла прочь. Почему-то всю обратную дорогу в поезде ей вспоминался этот случай, как экскаваторщик нетерпеливо и сердито погрозил ей из кабины».

Не правда ли, этот незначительный случай, эта картинка, обрамляющая четвертую главу, врезалась в память не только Евгении Меркурьевне, но и нам, читателям повести? Оттого, что наша героиня невольно помешала человеку, занятому делом, и вызвала его раздражение, нам немного неловко за ее экспансивное вмешательство в дела других людей — вмешательство, которое незадолго перед этим вызывало наше одобрение, а теперь стало выглядеть слегка чудаковатым. Ее право вмешиваться в дела обывателей и ненавидеть обывательское отношение к жизни по-прежнему не подвергается нами сомнению. Однако мы задумываемся над тем, насколько плодотворно вмешательство подобного человека в жизнь.

Итак, маленький эпизод незаметно поворачивает характер Евгении Меркурьевны какой-то новой гранью и заставляет несколько по-иному взглянуть на эту симпатичную (действительно симпатичную!) женщину. Стоит прочесть первые две страницы повести, чтобы убедиться, что Евгения Меркурьевна в избытке наделена тем скорее вызывающим раздражение, чем привлекательным качеством, которое несколько иронически называют прекраснодушием. Она долго колеблется, защищать ли ей в качестве диссертации свою чрезвычайно интересную работу или отказаться от этой затеи: ведь для этого нужны какие-то справки, деловые свидания, хлопоты, не имеющие никакого отношения к науке. И чего доброго, она будет ходить за справками, а люди будут думать, будто ей нужна диссертация, чтобы получать повышенный оклад!

Евгения Меркурьевна именно потому сохранила очаровательную непосредственность в своих суждениях, выводах и приговорах, что, несмотря на сложную и трудную жизнь, дожив «до крашеных волос», она умудрилась остаться в каком-то отдалении от действительности, в неведении относительно некоторых житейских вопросов, не составляющих секрета даже для пятнадцатилетнего подростка. Скажем, представления Евгении Меркурьевны о злосчастном Главвторцветмете — как ни велика разница между советским учреждением, даже таким бюрократическим, как пухаловская контора, и присутственным местом России прошлого века — очень близки к иллюзиям Обломова, который «...полагал, что чиновники одного места составляли между собою дружную, тесную семью, неусыпно пекущуюся о взаимном спокойствии и удовольствиях...». Над Евгенией Меркурьевной тут остается только добродушно посмеяться, как посмеялся чумазый экскаваторщик над ее искренним и милым, но нелепым приветствием.

Усилия, которые тратит Евгения Меркурьевна на свою кустарную борьбу с ложью и несправедливостью, явно несоразмерны с результатами этой борьбы, и даже если многочисленные Евгении Меркурьевны объединят усилия такого рода, достижения их вряд ли будут слишком велики. Дело в стихийном и наивном характере этих усилий. Современному человеку, если он чувствует себя членом общества, приходится не ограничиваться утешительными мыслями о том, что существует все-таки «правда о стерне, о сроках сева, о травах», а пытаться выработать определенное мнение об этих и многих других важных вопросах, в такой же степени общественных, как и специальных. Если всецело положиться на обманчивую интуицию, когда речь идет о политических, общественных, нравственных вопросах, если не задумываться над причинами тех или иных явлений действительности, можно прожить на белом свете и сто лет, сохраняя детское неведение относительно жизни и растрачивая чувства и энергию на мелкие услуги «обыкновенной житейской правде», то есть наполовину впустую, а это так же грустно, как грустна история поездки Евгении Меркурьевны в родной город.

Скажут: вы черните порядочного и, главное, инициативного человека, непримиримого к несправедливости не только на словах, но и на деле. Нет, Евгения Меркурьевна продолжает пользоваться нашими симпатиями, но когда мы, наконец, реально представим себе задачу воспитания государственного мышления в каждом человеке, поверхностный и кустарный характер инициативы Евгении Меркурьевны покажется милым анахронизмом, отвечающим идеалам интеллигентного земского деятеля...

Нам могут заметить, что все эти выводы не имеют прямого отношения к повести Залыгина, и уж во всяком случае они не входили в субъективные намерения автора. Быть может, это и так... Однако Залыгин нарисовал интересный психологический тип, дающий толчок для раздумий над весьма серьезными вопросами.

И не наша вина, если при этом наши выводы не во всем совпадают с намерениями писателя.

С. Залыгин. «Свидетели». Повесть. Журнал «Новый мир», № 7, 1956.

Против «опасной игры»

«Дейли миррор» — распространенная английская газета Ее тираж — четыре с половиной миллиона экземпляров «Дейли миррор» резко выступает против политики правительства в вопросе о Суэцком канале. Отражая настроения миллионов читателей, она осуждает военные приготовления и угрозы по адресу Египта и призывает к мирному решению суэцкого вопроса.

4 сентября этого года «Дейли миррор» вышла в несколько необычном виде: ее первая и последняя страницы были соединены как бы в одну (**см. снимок**), но заголовок оставлен на своем обычном месте — в левом углу первой полосы. На этой вдвое увеличенной странице «Дейли миррор» поместила подборку высказываний известных политических и общественных деятелей Англии, а также прессы, посвященных суэцкому вопросу.

«Неужели все они лжецы и паникеры?» — иронически озаглавила газета свою страницу, имея в виду людей, мнение которых она привела. Внизу крупным шрифтом набраю: **«Для Идена наступило время сообщить стране:** планирует ли он войну с Египтом? Если да, то при каких условиях он применит военную силу?». В редакционном вступлении газета пишет: «Планирует ли сэр Антони Иден войну с Египтом? Крупные газеты и известные люди страны глубоко обеспокоены его тайными планами. Вот их взгляды».

Чье же мнение предлагает газета вниманию читателей? Лидер лейбористской партии Хью Гэйтскелл призывает правительство «заявить о том, что недавние передвижения войск были сделаны исключительно для самообороны и что не будет предпринято никаких действий в нарушение Устава Объединенных Наций».

«Опасной игрой» называет газета «Ньюс кроникл» военные приготовления, осуществляемые Англией в связи с суэцким кризисом. Газета сообщает, что «большинство общественности» осуждает эту «опасную игру».

Говоря о том, что в Англии некоторые считают, будто военные действия — единственный путь к урегулированию суэцкого вопроса, журнал «Экономист» заявляет: «Имеется и другая, более трезвая точка зрения, что такого рода меры повели бы к возникновению гораздо больших опасностей, чем те, которые эти меры могли бы предотвратить».

Суэцкий вопрос должен быть решен мирным путем! — такой точки зрения придерживаются депутат парламента Ричард Кроссмэн, генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов Винсент Тьюсон, архиепископ Кентерберийский Фишер, газеты «Обсервер» и «Манчестер гардиан».

Бывший военный министр Англии лейборист Джон Стрэчи предупреждает правительство о том, что оно может ввергнуть страну в «войну со всем арабским миром». «Из всех глупостей, которые сделало правительство в связи с Суэцем,— заявляет Стрэчи,— наиболее опасная — приглашение французских войск на Кипр. Мы рискуем быть вовлеченными в безнадежную попытку Франции сокрушить движение за независимость в Алжире...».

Приведенные газетой «Дейли миррор» высказывания свидетельствуют, что английскому народу ненавистна «политика силы» и что он требует мирного урегулирования.

АНГЛИЙСКИЕ ПИСЬМА

Мариэтта ШАГИНЯН

1. Въезд на остров

Ночью вы просыпаетесь в поезде от перемены движенья. Вместо привычной дрожи с постукиванием, передающей бег колес,— медленное длинноволновое покачивание, как в колыбели, с ощущеньем стоянья на месте. В полутьме вы раскрываете глаза. Мягкая плюшевая лесенка прямо перед вашим носом, для пассажира верхней койки, мешает вам сразу встать с постели. Но вот вы приподняли край занавески. Желтый электрический свет бьет в окно вагона; серая длинная стена перед вами, напоминающая внутренность тоннеля. Рядом с вашим поездом, вытянувшись в ряд, стоят автомобили в той мертвенной неподвижности, какая бывает у спящих под утро. И в них, в той же сонной неподвижности, сидят люди, похожие на восковые куклы: спит шофер, опустив голову, но рукой охватив баранку; две старые дамы в ночных чепчиках положили головы на резиновые подушки; молодая чета плечом к плечу...

Вы проснулись как раз вовремя, чтоб поймать скрытый в ночной темноте процесс, называемый коротким английским глаголом «кросс». Это поезд пересекает Дуврский пролив — с континента на остров, из Франции в Англию, — не сходя со своих рельсов. И вот уже сизая голубизна рассвета, звуки, прогоняющие ночь, какие-то очертания не то кранов, не то мачт, фигурки людей в железнодорожных мундирах, — симфония перехода с моря на сушу. А еще через полчаса щеголеватый официант приглашает вас отведать первый тяжелый английский или, последний для вас, легкий континентальный завтрак.

Вы можете прекрасно знать английскую литературу, наглядеться на сотни «видов» в кино, в альбомах, в книгах, и все же первая встреча с Англией потрясет вас своей новизной. Не «меловыми скалами» Дувра, почему-то упоминаемыми во всех путевых очерках. Не жизнью порта, — ее вы совсем не увидите из окна вагона. Но прежде чем узнали вы дивные создания подлинной английской архитектурной классики,— в Кентербери, в Оксфорде, в Рее, в Бате, во множестве старинных городков и деревень, — Дувр двинет на вас в огромном и мрачном количестве, сразу, без подготовки, — после мягких пейзажей с разбросанными, разноформенными постройками Чехословакии, Германии, Франции, — двинет на вас полчища того, что в первую минуту вы невольно сравните с «фалангами» Фурье, какими они представляются вашему воображенью. Что это — склады? Каменные гофры бесконечных заводских помещений? Но нет, это жилые дома, — одинаковые дома-близнецы, из одного материала, одного цвета, одной высоты, одной формы, слитые так, словно по бокам у них нет наружных стен, а только одна внутренняя, общая для двух соседей. И этот бесконечный дом, извивающийся вдоль улиц, напоминая гофр или гармошку, наверху увенчан острыми пиками высоких тонкошеих, как у жирафы, труб: почти каждая комната каждого дома через свой отдельный камин разговаривает — с небом — своей собственной трубой на крыше.

Полчища одинаковых домов, слитых друг с другом, устрашающе однообразны. Но полчища труб на крышах играют, как ноты на пяти линейках, разными высотой и долготой: то они встают, как петушиные гребешки, на середине крыши, то скопляются, как клыки допотопного зверя, на одной ее части, то обрамляют ее стайками с двух сторон. Это первое впечатленье от обычной жилой английской архитектуры действует на вас сразу же, с огромной силой, порождая десятки мыслей, пока движутся и плывут перед вами бесконечные узкие коридоры улиц с лентами и полукругами сплошных стен.

Как жители находят свои квартиры, свою дверь в этой каменной стене? Как жить в этих мрачных мешках, не очень высоких, но почти по-тюремному замкнутых, без единой щели, без единого просвета между домами? «Мой дом — моя крепость»,—говорит англичанин, гордый недоступностью своего частного жилья, — и вы по этой пословице представляли себе дом англичанина чем-то изолированным, отделенным от соседей, окруженным просторной площадью, высоким забором, — и вдруг это неприступное жилье англичанина, его «крепость», оказывается ребрышком в неисчислимом костяке других одинаковых ребрышек, связанных с соседями, как страницы одной книги или пальцы одной руки.

Но вот чувство ужаса, — я точно определяю первое мгновенное чувство, охватывающее вас, — начинает выстегиваться, как темнота перед рассветом, новыми, едва еще уловимыми стежками других наблюдений. Как хорошо, как крепко, добротно все это построено! Да, это похоже на заводские корпуса, но ведь заводы монументальны, их железные каркасы заливаются крепчайшим цементом, сшиваются сталью, — и эти улицы домов-близнецов, они тоже так необычайно прочны и сшиты вместе. Солидная Англия, солидная во всем, стяжавшая себе славу своей добротностью и солидностью, Англия мануфактуры, угля, портланд-цемента, стали, твердыня торговли и капитала, создательница стойкого английского характера, — вот она, в ее первой встрече с вами, во всей ее каменной серьезности без улыбки, — неужели она только такая?

Думать дальше некогда — надвигаются гулкие своды вокзала «Виктория», вы сходите на английскую землю. Молчаливые таможенники, не очень дружелюбные, оглядывают ваши вещи и словно нехотя протягивают вам красную карточку с печатной надписью: «Добро пожаловать в Англию». Вы для них «эйлиен», чужой элемент, инородное тело, как и для большинства служащих в гостиницах. Уже несколько устрашенный приемом, выходите вы из таможни — прямо на лондонскую улицу. Сыро, как в английских детективах, пасмурное небо над музыкальными ключами и закорючками труб; не очень шумно — лишь какой-то особый рокочущий шелест автомашин по асфальту, новое для вас движенье — справа. И хотя вы ступили на эту улицу впервые в жизни, хотя она мрачновата, а таможня уже успела заставить вас съежиться внутренне,— не проходит и нескольких дней, как вы с удивлением замечаете, что полюбили этот город, успели освоиться с ним, и вам легко и просто в нем, словно вы жили тут десятки лет.

Что помогает такой быстроте освоения Лондона? Из каких впечатлений складывается ваше чувство легкости и простоты?

Нет, кажется, ни одного очерка, ни одной книги об Англии, где по какой-то непостижимой инерции, вероятно, под влиянием путеводителей и энциклопедий,— не говорится о Лондоне, как о чудовищно большом городе, и не перечисляется, из каких разнообразных частей он состоит. На самом деле Лондон — маленький, он маленький субъективно, для того, кто живет в нем, имея определенный круг интересов и задач. Ведь ощущенье размера города складывается вовсе не из его пространственных масштабов, а из легкодоступности расстояний от вас до всех нужных вам мест.

Центральный Лондон, опоясанный своими «сёркусами» — кружочками маленьких площадей. Лондон библиотек, парков, театров, кино, музеев, выставок, вокзалов, названных по имени улиц, и железных дорог, расходящихся прямо с этих улиц во все стороны страны,— он и вообще невелик. Разумеется, для того, кто ездит на машине, когда приходится объезжать десятки улиц, чтоб попасть на ту, которая для пешехода была бы в двух шагах,— эти расстояния требуют времени. Но если вы любите ходить и не жалеете своих «пенни» на подземку, вы просто не будете чувствовать больших лондонских расстояний. Для меня попадать по два-три раза в день из моего, окруженного садами, «Аббатского Подворья» в самый центр Лондона казалось гораздо более легким, чем путешествовать с Арбата на Ново-Басманную в Москве, а между тем я в эти «два-три раза в день» пересекала почти всю территорию так называемого «основного» Лондона.

Два слова о метро, которое смыкается в нескольких местах Лондона с электричками пригородного типа. Не стану перечислять таких его преимуществ перед парижским, как изобилие удобных мягких мест и головокружительная быстрота движенья. Но нельзя не полюбить его большой внутренней логики. Спустившись в него хотя бы впервые, вы не можете не найти дороги туда, куда вам надо, и не пересесть именно там и на тот поезд, какой необходим. Вас ведут надписи, ведут бережно, от стены к стене, от поворота к повороту, большие, ясные, вразумительные, иногда помогающие себе цветом («К Паддингтону — держитесь зеленого цвета!»); медленные эскалаторы местами сменяются быстрыми и вместительными, как гараж, лифтами; над кассами написано «Билеты и информация»,—это значит, что, помимо билета (который вы можете купить и в удобнейших, выбрасывающих вам сдачу автоматах), вы получаете еще устное разъясненье от кассира; но и этого мало— вам дадут, по вашей просьбе, бесплатно прекрасные маленькие карты-путеводители для автобусов («басов») и подземок. Спускаясь в метро, вы по стенным рекламам узнаете, что и где идет в театрах, если нет времени посмотреть в газетах; можете кое-где зайти и поесть; и, наконец,— забежать в «лаватори» — великолепные, вместительные уборные, отсутствие которых так поражает иностранцев в московском метро, — и за три пенни вы получите миниатюрное мыло с чистым полотенцем, по использовании бросаемым в корзину. Помылись, причесались перед службой, перед театром...

Кстати, о картах. Не помню, в каком году можно было купить план Москвы, не говоря уже о планах других городов наших, сейчас наводняемых туристами. А ведь план — великое первое дело для освоения города. В Лондоне в любом магазине вы найдете не один, а десятки всевозможных планов вплоть до целого тома, где Лондон разбит на квадраты, с нанесением в них каждой улицы, каждого переулка. Ни разу не пришлось мне за долгих два месяца меланхолически призадуматься над вопросом, «где эта улица, где этот дом»! И так не только в Лондоне. Что уж говорить о городах, если, остановившись в закусочной крохотной деревушки, мы получили от хозяина бара печатный путеводитель по достопримечательностям этой самой деревушки!

Второй решающий фактор в освоении Лондона осознается вами не сразу. Многим из нас, едущим за рубеж, кажется, что надо быть похожим — в одежде, в манерах, в языке — на тех, чью страну мы собираемся посетить; иначе ведь можешь обратить на себя внимание, резко выделиться, даже сделаться предметом шуток в газетах. Так вот, в применении к Англии, все это, говоря излюбленными словечками старых английских леди,— «фиддльстик энд раббиш»,— чепуха и ерунда. Лучшее, что вы можете сделать, приезжая в Лондон, это — постараться быть самим собой, искренне и предельно самим собой: ходить, как привыкли и как вам удобно, говорить своим «честным» английским языком, не стараться мурлыкать и заглатывать слова, фальшиво подражая неподражаемым для вас интонациям,— и, что самое важное,— не притворяться, не подделываться, не пытаться ассимилироваться, не «казаться»,— а быть, просто быть таким, как вы есть. Только тогда, только если вы останетесь самим собой,— англичане перестанут обращать на вас внимание, и вы почувствуете себя легко и свободно.

И, наконец, последний фактор, с каким вам приходится столкнуться в Англии. Да, на вас не обращают никакого внимания, как и на себя англичанин как будто никакого внимания не обращает, любя свою старую, обношенную одежду, чиня по десятку раз ботинки, ведя себя всюду по-свойски, подчас не совсем дисциплинированно. Приходилось мне иной раз наблюдать, как в помещениях, в метро, в поезде, где написано «не курить», англичанин преспокойно курит; как в садах и парках, где объявляются штрафы за бросанье мусора в траву и стоят корзины для мусора, — англичане кидают мешочки, спички, окурки не в корзины, а на дорожку; вечерний Лондон, когда поднимается ветер, просто пугает вас, словно задворки какого-нибудь строительства, — столько всяких отбросов и бумажек крутится и несется по улице. Но при всем том англичанин сдержан. Он сдержан физиологически, многовековой привычкой подавлять внешние выражения своих эмоций. Особенно стыдится он открыто выражать хорошие, глубокие чувства, пряча их в остроумии, в юморе, для понимания которого нужно быть, впрочем, англичанином и более или менее образованным человеком, так часто прибегает он к литературным ассоциациям и примерам из истории. И в самых типичных описаниях «героя» в английском романе обязательно отмечается у него «юмористический» (хьюмэрэс) склад рта или огонек в глазах. И при этой постоянной внутренней сдержанности, смягченной юмором, вас иногда пугает неожиданная реакция английской толпы, — в театрах, в кино, на собраниях, — взрывом нервного смеха — не только там, где смешно, а подчас даже там, где не смешно, а трогательно или страшно. Один лондонец объяснил мне, что эта нервная реакция смехом на чувствительное и грустное вызывается напряжением от постоянной выдержки.

Так вот все эти противоречивые качества англичанина, создавшие ему репутацию необыкновенной замкнутости, сочетаются в английском народе с удивительной, сердечной **приветливостью.** Простые англичанин или англичанка, спешащие по своему делу, никогда не оставят вас на улице в беде. Кондукторша автобуса поможет сесть и выйти каждому пожилому пассажиру. Сосед в театре, в кино, в очереди через пять минут перестает быть для вас чужим, потому что, кроме приветливости, английский народ отличается еще свойством, которое зовут у нас добрым комсомольским словом «компанейский». Англичане охотно и сразу составят вам компанию,— особенно когда нужно помочь. Однажды ночью я ехала в Глазго. Нас было восемь человек в купе. Когда все остальные сели, я читала газету и не заметила, одна ли это семья. Молоденькая женщина с грудным ребенком устала его качать и передала соседу, юноше лет восемнадцати, — тот часа два ходил с ним по коридору, укачивая, — и я подумала, «какой хороший младший брат у нее». Две толстушки, открыв корзину, принялись за еду, протягивая друг другу бумажные тарелки с яствами. «Какие дружные сестры», — подумала я опять. Но потом они стали угощать всех нас, а хмурый старикан, всю дорогу не снимавший шляпы, таскал нам в Глазго все наши чемоданы, и выяснилось, что никто из них никогда до этого друг друга не знал.

Вот эта искренняя приветливость простого народа Британии и создает, как мне кажется, вместе со всеми перечисленными выше факторами, ту атмосферу простоты и удобства, в какой вы начинаете себя чувствовать на английской земле. И уже по-новому начинаете вы глядеть и на этот сомкнувшийся, словно единым строем выходящий навстречу вам, — каменный фронт своеобразных английских жилищ...

Едва ступила я на британскую почву, как мне пришлось не фигурально, а буквально попасть «с корабля на бал»,—на происходивший в те дни в Лондоне двадцать восьмой конгресс Пенклуба, представивший для нас, писателей, немало интереса.

КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ...

Несмотря на запрещение КПГ, в западногерманских городах и на предприятиях продолжают распространяться коммунистические листовки. Центральный орган КПГ газета «Фрейес фольк» также выходит в свет.

— Ну, давайте-ка, мой дорогой фон Кокс, выпьем за упокой запрещенной партии!..

Рисунок худ. Арндта из немецкой газеты «Юнге вельт»

БА ЖЭНЬ,
китайский писатель

Наше движение вперед

«Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» — эти слова с недавнего времени можно услышать почти всюду в Китае, где собираются вместе литераторы, художники, музыканты, ученые. В их среде курс Коммунистической партии Китая в области литературы, искусства и науки, выраженный в этой фразе, вызвал горячие дискуссии и обсуждения. Страстность и заинтересованность творческих споров в кругах китайской интеллигенции объясняются не только провозглашением самого курса, но и тем, что в нашей литературе, искусстве и науке появились, стали ощутимы новые, свежие веяния, что работники искусств и ученые Китая стремятся отдать все силы делу социалистического строительства в нашей стране.

Провозглашение партийного курса, несомненно, ускорило наше движение вперед, к передовой науке, литературе и искусству. И я убежден, что сегодня, в первые дни работы VIII съезда Коммунистической партии Китая, весь народ, вся интеллигенция, так активно отозвавшаяся на этот курс, следят за ходом съезда с твердой уверенностью в победе дела социализма в нашей стране.

Как указывал Лу Дин-и в своем известном выступлении в зале Хуайжэньтан, для осуществления политики «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» имеются ныне все условия — решающая победа социалистических преобразований во всех областях жизни основных районов Китая, коренные изменения в политическом и идеологическом состоянии интеллигенции, значительное ослабление внутренних врагов, продолжающее крепнуть идейно-политическое единство народа. В этих благоприятных условиях курс «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» проводится с тем, чтобы открыть широкую дорогу для развития и процветания литературы, искусства и науки.

Древний китайский философ Гунсунь Лун говорил, что «соперничество всех ученых» заключается в существовании различных школ в науке, не наносящих ущерба развитию друг друга и свободно высказывающих свои взгляды. Каждый ученый может выступить с доказательствами своей правоты. Победивший в споре должен продолжать отстаивать свои воззрения, а побежденный — принять доводы, проверенные практикой. Только таким путем можно добиться правды. Философ утверждал, что цель спора — не нанести ущерба правде, а способствовать ее развитию. Я полагаю, что это — правильное понимание законов развития науки.

История Китая свидетельствует, что соперничество ученых в период «Весны и осени» и «Воюющих царств» заложило широкую основу для развития китайской национальной культуры. Конечно, расцвет литературы, искусства и философских школ при династиях Хань и Тан явился результатом всего предыдущего их развития. В то время как при господстве династии Цинь философские школы были запрещены, в годы правления династии Хань существовали школы ученых-конфуцианцев, велись широкие дискуссии среди знатоков современного и древнего языка, имелось специальное ведомство по собиранию народных песен, народного музыкального творчества. Это способствовало широкому развитию музыки и драмы.

Что же касается нового Китая наших дней, руководимого Коммунистической партией, то курс «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые», курс смелого принятия всего нового в творчестве, был выдвинут для строительства цветущей, единой и могучей социалистической державы, и, конечно, «соперничество всех ученых» сегодня отличается по содержанию от того, что было в древности, когда оно было стихийным и велось без целеустремленного и единого руководства.

У китайского народа — бесконечно богатое культурное наследие, восходящее к таким известным классическим произведениям, как «Шицзин» (книга песен) и «Чуцы»—стихотворения периода княжества Чу. Каждая эпоха вызвала к жизни немало ценных произведений литературы и искусства, отличающихся высоким художественным мастерством, проникнутых духом народности. Разумеется, они отмечены печатью своего времени, но все они составляют художественное наследие, законный преемник которого — китайский народ.

Новая литература Китая родилась в условиях тяжелейшей борьбы народа, пережившего огромные трудности. После освобождения молодая литература расширила свои ряды. Однако в этих рядах значительная часть писателей старшего поколения, создавших ранее немало интересных произведений, отложила перо в сторону, ибо недостаточно знала и понимала новую жизнь, новое общество, а о старой жизни не решалась и не хотела писать. Находились и такие авторы, которые были хорошо и глубоко знакомы с китайской классической литературой и литературой других стран, но не решались браться за создание новых книг, смело решать новые творческие задачи, потому что они еще не овладели идеями марксизма или не осознали, какую роль литература и искусство прошлого могут и должны сыграть в развитии литературы и искусства социалистических стран. Ряд революционных писателей, как говорил товарищ Мао Цзэ-дун, «...совершенно не знают или знают очень плохо историю своей страны... А ведь людям, не имеющим никакого представления о Китае, только и остается, что пробавляться сказаниями из истории Греции и других стран. Но и здесь их деятельность приносит самые жалкие плоды — они пользуются лишь тем, что надергали из вороха старой иностранной макулатуры».

Знания классической литературы Китая этими писателями также были поверхностными, что неизбежно порождало, с одной стороны, пренебрежительное отношение к национальному наследию, с другой — жонглирование догмами, выдававшимися за марксистские положения.

Кроме того, в литературно-художественной армии Китая работает еще большая группа писателей среднего поколения и молодых писателей — выходцев из рабочей и крестьянской среды. У них есть богатый жизненный опыт и опыт борьбы, есть острое восприятие новой жизни, большой энтузиазм творчества и прекрасное знание чувств и мыслей китайского трудового народа. После освобождения этими писателями создано немало замечательных произведений. Однако сейчас для того, чтобы повысить уровень своего мастерства, им необходимо освоить все лучшее в национальном наследии старого Китая, а также в классической зарубежной литературе. К сожалению, наши издательства не могут удовлетворить потребности в таких книгах.

Для зеленого кустарника нужна богатая плодородная почва, а сад китайской литературы богат и в то же время беден: богатое национальное культурное наследие еще не очень хорошо обработано. Огромной силой для оживления литературы и искусства Китая, источником высокой идейности и зрелого реалистического мастерства являлась и является советская социалистическая литература, к которой обращаются наши прозаики, поэты, драматурги, критики. В то же время явно недостаточно издававшихся ранее переводов произведений зарубежных литератур. Для расцвета современной китайской социалистической культуры, для роста мастерства наших писателей нужна широкая основа. Тогда можно будет творчески воспринять все лучшее, что может ее обогатить.

Ленин учил нас: пролетариат — единственный законный наследник всего лучшего в культуре человечества. Китайский народ, строящий свою социалистическую литературу и искусство, должен познакомиться с наиболее значительными духовными ценностями, созданными в прошлом и настоящем.

Однако в течение нескольких последних лет в литературной критике Китая было заметно пренебрежение национальным наследием, отсутствие интереса к его глубокому изучению. Это связано с догматическим подходом к специфике литературы и искусства. Это связано с пренебрежительно-нигилистическим отношением к лучшим произведениям литературы и искусства капиталистических стран, с их поверхностной, упрощенной оценкой. Подобные явления создавали опасность того, что китайская литература и искусство пойдут по узкому пути, что возможности их широкого развития будут ограничены.

Законы диалектики всегда развиваются в борьбе противоречий. Развитие литературы и искусства протекает так же. Необходимо нанести поражение объективно существующим в стране различным феодальным и буржуазным теориям, которые мешают развитию социалистической литературы и искусства. Отсутствие или слабость марксистской критики феодальных и буржуазных воззрений в вопросах литературы и искусства не является доказательством того, что эти воззрения преодолены в кругах нашей творческой интеллигенции. В среде немалой части молодежи еще живо влияние психологизма Чжу Гуан-цяня в вопросах литературы и искусства, ведущего свое начало от эстетических теорий Канта, Гегеля и Кроче. К тому же подобные идеи под маскою марксизма распространялись Ху Фыном и его сторонниками.

К сожалению, в нашей борьбе с идеалистическими эстетическими взглядами Чжу Гуан-цяня, Канта, Гегеля, Кроче мы еще не научились глубоко вскрывать корни этих идей. Их критический анализ сделает наше оружие в борьбе с ними — марксистскую теорию — еще более действенным.

Марксистское философское учение, эстетика выковывались, рождались именно в процессе критики Энгельсом воззрений Дюринга, Лениным — эмпириокритицизма, Плехановым — эстетических теорий буржуазных классов. Так разве в наши дни, в эпоху строительства социализма, мы не должны обнажать воззрения, идеи противников, чтобы вести с ними решительную борьбу? Классовая борьба на идеологическом фронте, успешное преодоление чуждых теорий и взглядов содействуют нашим победам в борьбе в практической жизни.

Я считаю, что курс «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» отвечает своеобразию реальной исторической обстановки Китая. Этот курс приводит в движение все жизнеспособные, творчески активные силы общества. Он способствует тому, что в области литературы и искусства развертываются творческие дискуссии и споры на широкой и плодотворной основе. Это помогает расцвету социалистической культуры.

Как писатель, я с большой радостью приветствую осуществление этого курса. И первые дни работы VIII съезда Коммунистической партии Китая рождают во мне новую уверенность в том, что, заботясь о росте нашей социалистической культуры, партия создаст постепенно еще более благоприятные условия для осуществления курса «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые».

ПЕКИН, сентябрь

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Вс. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМИРНОВ, В. ФРОЛОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета) Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б03824